

Борис Панкин

НОВЫЙ РАСКОЛЬНИКОВ

Борис Панкин

НОВЫЙ РАСКОЛЬНИКОВ

Prostobook.com
2011 год

УДК 821.161.1-(82-14)
ББК 84(2Рос=Рус)
П16

Автор: Борис Панкин

П16

Новый Раскольников: Стихотворения - Киев, ООО «Издательство «Простобук», 2011. - 224 с.

ISBN 978-966-2661-12-5

В сборник вошли стихотворения, написанные в период с 2000 по 2011 годы. Не рекомендуется детям до 14 лет.

В оформлении обложки использовано изображение фрагмента скульптурного триптиха Эдуарда Дробицкого «Рабочий. Колхозник. Интеллигент».

УДК 821/161/1-(82-14)
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-966-2661-12-5

© Оформление. Регина Соболева
© Борис Панкин

СТИШКИ В АЛЪБОМ

* * *

Двадцать какое-то, чёрт его знает, число...
Слышится звон, — это бьётся в осколки посуда,
К счастью, должно быть, соседу опять «повезло», —
Судя по звуку хрусталь, ваза весом в полпуда.

Ну, да и ладно, окрепнет в неравной борьбе,
Может, на пользу ему, что жена истеричка...
Так и сию я под звон хрустала и тебе
Письма пишу, за сегодня второе... Привычка

Складывать в стол, на досуге сто раз перечесть,
Вычеркнуть лишние знаки, поправить повторы...
Чу, иссякает хрусталь, но фарфор ещё есть,
И есть подозренье, — надолго не хватит фарфора.

Двадцать какое-то... Письма пылятся в столе.
Надо ли их отсылать, и кому это надо? —
Скучная сказка о том, как однажды белел,
Там далеко-далеко, и на фоне заката,

Сгинул в борьбе, на далёкой чужбине пропал, —
То ли на риф наскочил, то ли стал чьим-то призом,
То ли нашёл, что когда-то по дури искал,
То ли не смог себе выдать обратную визу.

Двадцать какое-то... Плачет на солнце февраль.
Жалко ему уходить, вот и плачет, бедняга.
Горько рыдает соседка за стенкой, ей жаль
Чайный саксонский сервиз, её мучит люмбаго,

Сплин и хандра, и тоска (тяжело целый день
Ваньку валять, разгоняя безделье и скуку),
А так же мигрени, и прочая женская хрень.
Встречу соседа, пожму обязательно руку...

Так и живём-выживаем всем бедам назло.
Век коротаем в борьбе, плавим золото с медью.
Двадцать какое-то, чёрт его знает, число,
Чёрт его знает, какая страна и столетье.

* * *

мало мама мыла раму,
вот и наказали маму —
поперёк опасной бритвой
по рукам-венякам.
кто сказал, что волки сыты? —
дверь открыта, велкам.
ночь темна, война под боком.
что ж ты мать-перемать
не подохни раньше срока —
рвань-тряпё — бинтовать.
вас-ист-дас? — такое дело —
мама раму проглядела,
шишел-мышел вышел срок,
нажимаем на курок.
потолок измазан серым
на потеху изуверам,
поперёк визгливой скрипкой,
кулаком по стеклу.
жил с гримасой, сдох с улыбкой —
вон он, бля, на полу.
некроплазма в вязкой жиже.
подходи, взгляни поближе.
натюрморт — в оконной раме.
душно что-то вечерами.

* * *

Всё будет хорошо. Как заклинание.
Ходить по клетке, как тот самый зверь,
что меряет шагами ожиданье —
окно, торшер, трюмо, входная дверь.
Опять трюмо, мелькает отраженье —
конечно я! — кому ещё здесь быть! —
В движении, в бессмыслице круженья —
преддверье пораженья... Обвинить
тебя во всём, сказать: адью, родная,
живи, как хочешь, мне пора, пошёл...

И повторять, как кукла заводная:
Всё будет, будет, будет хорошо.

* * *

не стерпится.
не слюбится.
не сбудется.
затянется, останется рубец,
и, словно след на оживлённой улице,
сотрется и...
финита ля...
пиздец.

а морю что, — по-прежнему волнуется.
и раз и два, и замирает в лёд. —
тоска пройдёт. не надо, ты же умница —
сама всегда всё знаешь наперёд:

наладится, со временем и с опытом,
поселятся покой и мир в душе.
лишь иногда далёким горьким шёпотом:
не слюбится, не сбудется уже.

* * *

Я стою, рука в трусах...
Шурка Севостьянова

Пиши, моя красавица, пиши,
Покуда не оплавится душа,
Покуда яд течёт с карандаша,
И эти откровенья от души.
Пиши, моя красавица. Спешу
Отобразить отвратность бытия,
Покуда жизнь паскудная твоя
Ещё чего-то стоит. Потроши
Себя на составные. Покажи
Угрёбище внутри себя, меня.
Прекрасные порывы — миф, хуйня.
Пиши, моя красавица, пиши.

* * *

по глянцу ломкого листа
рука выводит закорюки
ах эти творческие муки
нести себя на пьедестал

и водружать на постамент
в тенистость липовой аллеи
белеет ночь восток алеет
цемент скрепляет монумент

и словно бисер на губе
пот выступает от напряжения
пиши перо скрипи бумага
я типа памятник себе

СТИШКИ В АЛЬБОМ

*развитие движется по спирали
чья-то глупость*

самоповторенья неизбежны.
жизнь прожить — не водку из горла,
запрокинув голову небрежно,
в подворотне пить. она не зла,
просто безголова и безлика,
ну, понятно, — головы-то нет.
я ей принесу цветок — гвоздика —
на могилку. через 20 лет
начинаешь понимать — спирали,
как фигуры, в этом мире нет. —
круг замкнулся, и, выходит, вращали
нам учителя. один поэт
давеча сказал мне, безнадежно
взяв стакан гранёный со стола:
самоповторенья неизбежны.
жизнь прожить — не водку из горла.

* * *

не вписался в систему, в линию, в интерьер.
перепутал местами следствие и причину.
испохабил мелодику, ритмику и размер.
не просёк иерархию, не подобрал личину.

вот и стоишь, как пыльным мешком огрет, —
эдакий истукан, недогляд природы.
думаешь — исключение, мнишь — поэт,
а на самом деле — пошлый кусок уроды.

ну же, приятель, хватит стоять, — пора:
выйди в окно, вскрой себе в ванной вены.
поздно гримасы корчить, когда игра
кончена. — счёт разгромный, итог плачевный.

* * *

...из огня — в пылымя, из мрака — в терновый куст.
не гонись за двумя, как бы ни был велик искус.
не наплоди химер, не промышляй наркотой.
будь как пионер — то есть бравый и холостой.
не падай лицом в грязь, береги, как мозги, честь.
знай: на то и карась, чтобы было кого съесть.
сгорая, как есть, дотла, золой не смущай народ.
запомни — цветы зла негодный дают плод.
знай — любая броня имеет предел, за ним
сначала — буйство огня, после — пепел и дым.
закономерен итог — всё выжжено и мертво.
соразмеряй свой слог с пространством и головой.
добивая своих врагов, не подставляйся сам.

и не посвящай стихов ублюдкам и подлецам.

ЦЕЙТНОТ

в цейтноте надобно быстро двигать руками
флажок упадёт не раньше чем кончится время
на сорок ходов два с половиной
имя
становится кармой
переломить
кроме
тотальной борьбы с врагами
белого шума
сакрального бреда
лозунгов
ленин с нами
ежевечерних сводок
военной темы
еженедельных пьянок
меж выходными
работа на доброго дядю
достаток в доме
кроме
этого есть и другое
некогда думать

В ОЖИДАНИИ НОВОСТЕЙ

* * *

если бы ты была мотыльком
порхающим беззаботно
я б стал сапогом кирзовым
что подловит тебя на взлёте
и размажет тебя всмятку

если бы ты была Лебедем
в окружении референтов
я б стал вертолётom ми-восемь
что рухнет с тобою вместе
зацепившись за ЛЭП лопастями

если бы ты была пешеходом
форсирующим дорогу
я б стал той самой девяткой
что нахуй тебя раздавит
за переход в неположенном месте

Под знаком Девы (себе и тебе)

Идёшь ли домой с работы, смотришь ли теле,
видео, либо прочую ерунду,
типа тупой Масяни, — на самом деле
нянчишь свою утрату, свою беду.

Думаешь: пережить ещё день, неделю,
месяц, другой, и время излечит, и
будет гораздо легче, — на самом деле
тёмные сны — твои и стихи — твои.

Ищешь ли отвлечений в чужой постели,
бурных забвений. Мнится: в один из дней
станет светло и тихо. На самом деле
всё, как и было. Даже ещё черней.

Некросонет

Представь, что ты по-прежнему живой.
Обычный день. Типичные заботы.
Дела, друзья, непыльная работа.
Осенний дождь. В каморке угловой

Холодной влажно. Сырость над Невой.
Над Городом — промозглость небосвода.
Идёт экспансия безрадостной погоды.
Уродлив дом на набережной. Твой

Безмозглый братец слушает хип-хоп,
Листает комикс, морщит узкий лоб.
Юнец тупой, но хоть не славит Кришну.

Дрожит листва, редая на ветвях.
Октябрь кончается. Зима торчит в дверях.

...Как мне ни жаль, но ты в картинке лишний.

* * *

А в Вашем доме пахнет смертью,
И это явно неспроста.
Любезный, Вы уж мне поверьте,
Уже заказаны места
В аду для Вас и Вашей шлюхи.
Уже продали тот КамАЗ,
С которого однажды рухнет
Бетонная плита. И вас
Расплющит вместе с колымагой
На трассе Петербург-Москва. —
Тебя, с твоим ебалом наглым,
И пессию твою. Слова
Уже отпущены. Вы — жертвы
Грядущей катастрофы. Вспять
Не повернуть. И кто там первый
Из вас подохнет — мне плевать.

дорожно-медитативный сонет

найдётся кто-то, кто мне всё расскажет
БГ

ты чувствуешь себя нехорошо,
точнее говоря, — совсем лажово,
ещё точнее — так, что даже слова
такого нет. надвинув капюшон,

закрой глаза. вчерашний день прошёл.
в мозгу туман. нутро бунтует. снова
не вспомнить ничего. цветёт лилово
под левым глазом бланш. чего ещё

тебе расскажут про минувший праздник,
что удался на славу, не иначе?
ты ждёшь с тоской и думаешь: «ну вот,

опять из жЫзни выпал литр последний,
я что-то как-то разошёлся нынче».
и вздрагиваешь: скоро новый год.

Разбиться стеклянным гоблином ©

Я был с тобою нежен, ангел мой...
Листаю памяти истёртые страницы —
Юдоль моей души. Как говорится,
Бреду воспоминаньями. Хромой

Лирически-клинический герой
Юродствует, ему опять не спится:
«Ты так красива, что...», «Ты словно птица...»,
«Ей богу, ты...». Мне кажется порой —

Будь я иным в каких-то проявлениях:
Язвительнее, скажем, или злее, —
Давно б затёр лицо, глаза твои.

Увы, в покрытых изморозью стенах
Растёт кристалл тоски и с губ не смеет
Ангинно-сипло... расколоться... и...

мы на горе всем

гляди в окне
вскрывает вены ленин
и варшавянку ангелы поют
горит в огне
страна моя и тени
согбенные так суетно снуют
трубит труба
пожар от ветра воеет
и гремлины беснуются в дыму
трещит судьба
по швам вопит шестое
от ужаса и пищи нет уму
умру ли я
на то и крематорий
чтоб мировой пожар не погасить
любимая
мне кажется порою
что проще пить блевать и дальше пить

* * *

тони, тони, пакетик с чёрным чаем,
в казённой чашке со следами от
губной помады (фигли — общепит).

день нескончаем, про печаль поёт
корейский шансонье, точней сипит,
бубнит под нос. поверхность изучаю

застеленного скатертью стола.
разводы, пятна, ты мне не дала
позавчера, и вряд ли дашь сегодня.
и в этой суете предновогодней

терпеть ещё неделю или две —
«семейный праздник» ибо. в голове
зудит рефрен: я по тебе скучаю...
тони, тони, пакетик с чёрным чаем.

* * *

Я твой нарисовал портрет
В абстрактном стиле.
Его на двери в туалет
Повешу. Или

Порву в клочки, под томный марш
Шопена, ибо
Таков сегодняшний кураж,
Тебе спасибо.

Пусть сточных вод девятый вал
Твой фейс полощет.
Порвал, что демона изгнал,
И стало проще.

И стало незачем гадать
И хаять долю.
Так обретаешь благодать,
Покой и волю.

Ничто не давит, не гнетёт
Паскудным грузом.
Так вычищаешь разум от
Дурных иллюзий.

Когда ж наскучит мне покой,
Жить станет плоско. —
Я нарисую профиль твой
В манере Босха.

* * *

...но розенкранц и гильденстерн мертвы.
два проходных никчёмных персонажа —
невелика потеря. (в скобках: даже
смешно писать об этом). головы

не сохранил никто из них. увы,
абсдача вышла, приключилась лажа.
король был крут, и расторопна стража,
зеваки оживлённо-нетрезвы...

да и другим, что в этой самой драме
не отличались здоровыми мозгами,
не повезло — вся братия мертва.

в сюжете этом, муторном, едва ли
отыщется хотя бы гран морали.
её здесь нет. слова, слова, слова...

* * *

*не убивай меня кукушка
Горро*

пути перроны перегоны
санкт-петербург остался в прошлом
талоны карточки жетоны
жара стоянка две минуты
ты удивляешься как будто
и говоришь что я хороший
мне улыбаясь полусонно
пути перроны перегоны
санкт-петербург остался
впрочем
моя смертельная подруга
как это кончилось я знаю
меня нашёл мой пятый угол
вокзал оскалился фасадом
сгустился мрак над ленинградом
гуляет кукла заводная
сырым промозглым летним садом

чем это кончится я знаю

Сонет пейзажный

Долгая память хуже, чем сифилис.
БГ

И сколько не гоняй туда-сюда,
Дорогою короткой или длинной,
Истерику свою — одна картина
На всём пути. Закончилась среда.

Авроры бледен лик. В Неве вода
Хронически мутна. У Мнемозины
Усохшее мурло: глядит сквозь тину,
Игриво корчит рожи. Холода

Отчётливо указывают, что
Тут утром нехрен делать без пальто.
Воистину, нет смысла в сих прогулках.

Ан нет, гляжу, тебя опять несёт
Ловить вчерашний день, в котором — всё.
И голос глух. И сердце бьётся гулко.

* * *

догорай моя лучина, облезай моя личина,
остывай мой капучино, зарастай прудок травой.
нет кручины без причины, рождества без чертовщины,
естества без матерщины, утро стынет над невой.

плесневеет кофе в чашке, зябнет мусор на апрашке,
бомж туберкулёзным кашлем клянчит денег на пропой.
я сижу медитативно, мне не грустно, мне противно
от клинической картины: «ты да я, да мы с тобой».

чья-то бритва бредит горлом, кто-то тщится быть весёлым,
а тебя прожечь глаголом — всё равно, что головой
бить в дубовые ворота (по сизифу и работа).
впору встать и крикнуть что-то типа: «фак ю, я не твой».

только это будет ложью. труден путь по бездорожью.
отдаются в сердце дрожью, болью, ноющей, тупой,
эти стрёмные расклады. мне немного в жизни надо,
но с тобою нету слада. «ты да я, да мы с тобой».

В ожидании новостей

*«мама, мама, смотри, ангел полетел»
известный анекдот про крысу
с крысёнышем в сточной канаве*

отвали моя черешня не маячь
я убит тоской нездешней до утра
воды вешние отходят тонет мяч
в чёрной речке завершается игра
у фатального дракона по весне
открывается саркома хрен бы с ним
перепончатые крылья на спине
прорезаются и прорастает нимб
что на фоне небелёного холста
на рога похож из книжки про чертей
зарастай моя тропинка вырастай
вдоль хребтины гребень спинный новостей
ожидаючи не выйдешь со двора
в данном виде скажут бредит наяву

я убит тоской нездешней до утра
да и утром тоже вряд ли оживу

ВДОХНОВЕНИЯ НЕ БЫВАЕТ

последний вирш для NN

всё дело в цене...
ты знаешь, когда уйду,
не плачь обо мне.
мне будет легко в аду.

фигляр и трюкач
пусть створки сомкнёт дверей.
ты только не плачь,
тем более не жалей.

и пусть в горле ком.
пусть ангел трубит отбой.
мне будет легко,
труднее стократ с тобой.

сгорая в огне,
в холодную немоту...
не плачь обо мне,
мне будет легко в аду.

* * *

девочка неженка лакомка лёгкая грусть
жест неуклюжий три четверти узкая кисть
Вы мне не снитесь и я Вам по счастью не снюсь
и за...шибись.

увещательное

не валила б ты, милая, со своей головы на здоровую,
а собралась бы с силами и сходила бы, скажем, в столовую,
да поела бы супчику или рисовой каши с компотиком.
нет, ты сохнешь по субчику — инфантильному злему невротiku.

да ничем не питаешься, кожа стала прозрачной, пергаментной.
так ты скоро истаешь вся, — это глупо, чревато, неправильно.
ненаглядный твой, видишь ли, наигрался, в тебе не нуждается.
да, по меркам-то нынешним, — это норма, резонно ли маяться?

не пора ли, родимая, прогуляться, отвлечься, развеяться?
вся трагедия — мнимая, устаканится всё, перемелется...
что ж ты маешься, бедная? — взор лишён любопытства и радости.
это, знаешь ли, вредно для выживания в данной реальности.

эти игры с фантомами, миражи вожделений и призраки.
все симптомы знакомы мне, налицо все приметы и признаки.
эти схемы — негодные, эта, детка, модель — беспонтовая.
не валила б ты, родная, со своей головы на здоровую.

Напутственный сонет

Пойди туда, откуда труден путь
Обратно... Нет. Не так. — Возврата нету.
Дойдёшь до переправы, дай монету —
Обычный медный грош. И не забудь! —

Харон не любит жадных. Проскользнуть
На шару не удастся. Что ты! Где там!
Искатели халявы, канув в Лету,
Попали так конкретно — просто жуть!

А ты не из таких. Придя к парому,
Скажи, что ты оплатишь всё сполна.
Какой тут торг — невелика цена.

Удачлив будь. Велением влекомый
Дойди. И помни, что в конце пути,
Аид тебя, как пить дать, приютит.

* * *

...упала ребром монета
на дно стакана.
некогда был поэтом,
любил путану.
после подсел на ханку,
увлёкся блюзом.
другую любил гражданку,
не вынес груза.
уехал по комсомольской
путёвке в тынду.
учил разговорный польский,
без толку. видно,
так и не смог освоить
наречья пшеков. —
сбежал. подрядился строить
жильё для зеков.
осел в магаданском крае,
завёл зазнобу.
женился. венчался в храме —
любовь до гроба.
вот только и это счастье
не долгим было. —
однажды ревнивец страстный,
дерябнув «шила»,
прирезал свою супругу
(семь ран на теле),
застукав её и друга
в одной постели.
с тех пор он и сгинул где-то
в колымской стуже.
...некогда был поэтом,
дрянным к тому же.

* * *

веди рукой вдоль линии бедра,
не прикасаясь к телу и капрону.
гляди призывно, целеустремлённо,
поскольку жанр таков — кураж, игра.
поскольку ты — подобие пера
(не писчее, да и не птичье точно),
поскольку ты — подобие заточки.
и от твоих не оклематься ран
так быстро, как хотелось бы, увы,
я вне игры — почти что посторонний,
уже забывший жар твоих ладоней,
но так и не обретший головы.
хотя, судьба ко мне ещё добра...

веди рукой вдоль линии бедра.

* * *

ангел нежный и безумный,
дура нервная моя,
этой ночью полнолуной
нам с тобой один маяк:
ждать, когда восток окрасит
в бирюзу рассветный час.
а пока что нам, к несчастью,
выживать. в который раз
свет неверный и холодный
заливает разум твой.
пёс голодный, пёс безродный
исторгает волчий вой.
из зубастой злобной пасти —
смерд. в зрачках зелёных — злость.
мы в его полнейшей власти,
он порвёт нас всех на части —
дикий, хищный, чёрный пёс...

тише, тише, день был трудный,
это — сон. а это — я.
ангел нежный и безумный.
дура нервная моя.

Жувлибры

1.

Оказавшись в ненужное время в ненужном месте,
Будь осторожен в речах, аккуратен в жесте.
Помни о том, что несущий дурные вести
Рискует собственной шеей, — есть шанс, что треснет.
У основания, скажем, внезапно хрустнет,
То есть у близких будет повод для грусти.
Точнее для горя, печали, поминок, тризны.
Да и не повод вовсе. Уход из жизни,
Тем паче внезапный, нелепый — всегда причина
Веская для печали, тоски, кручины.
Береги своих близких, будь осторожен, если
Оказался в ненужное время в ненужном месте.

2.

в масштабах вселенной не за горами день,
когда от тебя останется только тень,
когда от тебя останется слабый след
на этой земле, и тот через 20 лет
будет настолько неявен, неощутим,
что вполне правомерно след твой считать пустым
местом, неотличимым, даже в деталях, от
сотен других подобных ему пустот.

собственно кто ты? — строил. сажал. растил.
кем-то работал с девяти утра до шести
вечера, пять дней в неделю, из года в год.
чего ты добился, каких ты достиг высот? —
не всё ли равно, если в масштабах вселенной ты —
ещё одно проявление пустоты.

3.

расставив все точки
в концах предложений, стой
на том, что ты точно
благостный и пустой,
что ты бесконечно
светел и тих, и нем,
взираешь на млечный,
и знать не желаешь тем,
отличных от этой, —
вот так вот стоять, смотреть,
благостен, тих и светел
и даже, допустим, смерть,
различные катаклизмы —
торнадо, война, пожар,
несовместимый с жизнью
удар кирпичом, комар,
жужжащий в тиши, не изменят,
не смогут смешать расклад,
ибо в концах предложений
все точки уже стоят.

...а люди в нём актёры ©

герои маленьких трагедий —
смешные, злые персонажи.
что может быть ещё на свете
нелепей? — даже
их жизнь, что так для них бесценна,
всего лишь фон для декораций
истории про гильденстерна
и розенкранца.

* * *

вдохновения не бывает бывает боль
бесконечная безнадежная злая боль
ты смотришь в недоумении что с тобой
ты спрашиваешь опрометчиво что с тобой
и я отвечаю подробно в деталях что
со мною случилось подробно в деталях что
со мною случилось подробно в деталях стоп
ты говоришь мне испуганно стой ты трёшь свой лоб
ты говоришь мне испуганно стой ты морщишь лоб
ты ищешь слова подбираешь с трудом слова
ты привыкла что ты всегда и во всём права
ты говоришь мне нечем дышать болит голова
ты говоришь мне устала болит голова
и я тебе верю конечно болит голова
приляг отдохни ты устала болит голова
приляг отдохни
я складываю слова
строчка за строчкой как волны одна за другой
вдохновения не бывает бывает боль

* * *

оглянувшись, окаменеешь, вращёшь в пейзаж.
станешь известняковой фигурой, дура.
ни к чему тебе это прошлое, эта блажь,
неудачный эксперимент демиурга.

оглянувшись, осатанеешь, забудешь свой
долг перед богом, родиной и семейством.
иными словами — раздружишься с головой.
впрочем, — это такая фиша, такое свойство.

* * *

у диких скал мой ангел отлетал,
точнее долетался. рухнул в бездну,
в пучину вод (прости-прощай, болезный),
так словно некто кыш сказал, исчезни.
и он исчез — навечно, наповал.

у тёмных скал мой ангел рухнул вниз
стремительным оплавленным икаром.
бесславно сгинул, почитай задаром,
свинцовым камнем стал и сизым паром.
и тишина. и только лёгкий бриз.

* * *

купи себе украшения для пупка
сделай на гениталиях пирсинг детка
руки раскинь в накрахмаленные облака
урони своё тело гибкое юное терпкое

прими меня в долю в дело на «раз два три»
улыбка твоя торжественна и прекрасна
плыви по волнам своей прихоти раствори
злую реальность в судороге оргазма

* * *

*Холодно, как в аду.
Д. Мурзин*

живи в ожидании марта, апреля, мая.
зима тебя измотает, сомнёт, ломает,

вывернет наизнанку, загонит в кому,
заставит взглянуть на многое по-другому,

вынудит осознать непреложность стужи,
выудит из подкорки животный ужас,

страх перспективы не дотянуть, не выжить —
поскольку ты измочален, истошен, выжат,

чуждою волей исторгнут в пространство лимба,
в котором тебе остаётся — издохнуть, либо

ждать избавленья, в точку себя сжимая —
тянуть до начала марта, апреля, мая.

* * *

листом осенним упадаю в снег.
холодный синий и заиндевелый.
и что со мною ты теперь не делай —
топчи, стучи, пинай пустое тело —
я не отвечу, потому что слёг.

листом осенним падаю в сугроб.
мне Мнемозина прописала спячку.
мне амнезия — друг и брат, и врач, но
не бей так сильно — тело не бревно,
скорей потенциальный корм для рыб.

...когда весна взламывает панцирь льда,
набрякший лист продолжит погруженье
в небытие. холодная вода
всё поглотит — ни тени, ни следа,
ни раздраженья.

* * *

...Как будто мы с тобою на распутье.
Как будто ты со мной опять на «Вы»...

Ожесточённый ветер вертит, крутит
Листву и сор, сметает с мостовых,
Взметает в стылый воздух. Что-то будет?

Спешат укрыться птицы. Жмутся люди
К домам поближе. Нам с тобой, по сути,
Не нужно это всё. Ещё чуть-чуть и...

В пять двадцать поезд. Улицы пусты.
И мы с тобой пока ещё на «ты».

* * *

смилуйся сударыня рыбка
выплесни меня из корыта
вытряхни меня из пелёнок
что тебе несносный ребёнок

душно здесь и тошно поди-ка
принеси воды из копыта
будешь блять голосом тонким
станешь бестолковым ягнёнком

высели меня на болото
научи таиться в трясине
земноводной тварью чумною
с кожей воспалённой больною

выверни меня наизнанку
выдави мою паранойю
что-то происходит со мною
что-то происходит со мною

KAMEPA

* * *

мой ангел не ведает боли, он просто танцует
на грани реальности, просто тасует слова,
в различном порядке переставляет, рифмует,
аллитерирует, смотрит — насколько жива,
вещественна ткань получившихся текстов, насколько
ажурна структура, изысканны схемы, и слог
отточен и выверен... просто танцует и только.
и даже не ведает, как он при этом жесток.

* * *

Апачу на ход ноги

заметут тебя менты,
вывернут карманы,
беспардонно скажут: «ты,
маргинал поганый,

что ты делал в поздний час
в подворотне этой?
предъяви свой аусвайс!
ну-ка, морду к свету!

у тебя похмельный вид,
и небрита рожа.
ты, наверное, шахид. —
да, весьма похоже.

где ты, падла, спрятал свой
пояс динамитный?
что мотаешь головой,
поц энцефалитный?

суждено тебе, дружок,
ночевать в участке.
едем, (живо в воронок!)
снимем отпечатки.

вдруг ты вор, злодей и тать —
спёр, убил, растратил».

а вот нехрен было ссать
где попало, дятел.

* * *

ты ещё не пришла, а я вот давно уже
припёрся, разделся и рассекаю тут неглиже,
ожидая тебя, выгляжу как дурак.
ты скажешь, что сроду так, но это не так.

я умён и наг, и, можно сказать, красив.
выражаюсь гладко, внятно, без инвектив.
перед тем как сказать, думаю что сказать. —
твою маму вполне бы устроил подобный зять.

мы бы жили с тобою в городе, где река,
закованная в гранитные берега,
неспешно несёт свои воды в финский залив,
иногда я почти уверен, что «we will live»

с тобой под одною крышей, являя собой семью,
долго и счастливо... об этом-то и пою
вот уже девять лет почти в пустоте, вотще.
жаль, что ты не пришла, и вряд ли придёшь вообще.

Боязнь замкнутого пространства

*И вот мне приснилось, что сердце моё не болит.
Н. Гумилёв*

В глазах у встречного мента —
Томление и тоска.
В метро — тщета и суета.
И грань весьма тонка,

Что отделяет бытиё
От тени бытия.
Тут одиночество — твоё.
И суета — твоя.

В туннель уходят поезда,
Скрываясь в темноте.
И всякий, кто попал сюда,
Напоминает тень.

Въезжая в непроглядный мрак,
За окнами — свинец,
Вдруг понимаешь — всё не так,
Ты сам — почти мертвец.

В себя приходишь, только лишь
Выныривая на
Поверхность. — Небо, контур крыш
И, вроде как, весна.

И кажется, что мир — другой.
И ты — живой на вид.
И колокольчик под дугой.
И сердце — не болит.

фрагментик

...а по утрам они просыпались сами,
переговаривались простуженными голосами,
любили друг друга, потом курили в постели,
разглядывали заоконные акварели.

той зимою смеркалось рано, уже в четыре
становилось всё расплывчатым в этом мире.
люди, дома, деревья, площадь у рынка
подёрнуты были сиреневой, сизой дымкой.

той зимою не было солнца, но было небо,
заполнявшее этот город так, что где бы
ни находились бы мы с тобою, всегда казалось,
что нас отделяет от неба всего лишь малость.

отворот (заговор от тоски)

благословясь и перекрестясь,
встану я, раб божий, с опухшей рожей.
выйду на топкий берег угрюм-реки
заговор творить от тоски.

поверну лицо своё на восток,
заговорю так:
как вода уходит в песок,
как ветер уносит тучи,
как падает с горной кручи
стремительная лавина,
так и ты уходи, кручина.

смою речной водой
хмарь с лица, тоску с души.

благословясь и перекрестясь,
пойду вдоль угрюм-реки
месить сапогами грязь,
заговор творить от тоски.

как огонь поглощает дрова в печи,
как пожар пожирает дом,
превращает ольшаник в дым,
так и ты выгорай, кручина.

смою речной водой
хмарь с лица, золу с души.

благословясь и перекрестясь,
выйду я, раб божий, тобой корёженный,
звериной тропкой на берег топкой.
встану на коряге, гляну в бумаги.
там у меня заговор от тоски, писанный от руки.

смою речной водой
хмарь с лица, тебя с души.

* * *

я иду тебе навстречу. я — умён, богат, беспечен,
у меня в порядке печень и другая требуха.
ты — потрясная блондинка — шея, грудь, походка, спинка.
ты меж рёбер, словно финка,ходишь в сердце и — ага.

и уже плетусь я следом. мне покой и сон не ведом.
лексикон мой сдобрен бредом. в голове сумбур от грёз.
сыпь на коже, тик на роже, изнутри сомненья гложут.
упаси меня, мой боже, от таких метаморфоз.

значит так: иду я мимо, нелюдим и строг, вестимо,
в ореоле, типа нимба. не гляжу по сторонам.
ни к чему хмельная прана, охи, вздохи у фонтана.
мне весна по барабану. — вдруг ты выскочишь и — ам!

амнезия

*извиваясь ночью на простыне —
как не сказано ниже по крайней мере
И. Бродский*

попасть бы под трамвай, но не смертельно.
лежать в больнице, слушать пенье птиц.
вести простую жизнь растений.
не различать имен, не помнить лиц.

открыть наружу дверь, как новую страницу.
(диагноз: безнадежен — амнезия)
и больше никуда не торопиться —
забыл, не помню, болен сильно.

ночами спать глубоким сном младенца
на белой простыне.
и видеть сны. и умереть во сне.
от остановки сердца.

камера

загнанных людей сдают... куда?
в вырезвитель? в дурку? на хранение
в камеру, где сквозняки и тени,
и горит, горит моя звезда.

загнанных людей ведут... к стене? —
в тихий дом над синею рекою.
в тишину приёмного покоя.
как там в этой ватной тишине? —

вечный полдень, благодать, уют,
музыка волшебная играет.
там никто, никто не умирает. —
не дают.

* * *

жаль, что ты опять не позвонишь —
у тебя проблемы с телефоном.
либо убежали макароны.
ты по кухне ловишь их, кричишь:
врешь, от этой скалки не уйдёшь
ну-ка! быстро! марш назад в кастрюлю!
и разгорячёно кажешь дулю.
и пустырник огорчённо пьёшь.

или нет, наверно, всё не так —
у тебя проблемы с телефоном.
шнур погрызли мыши. оголённый
провод заискрил, и звук иссяк.
в трубке телефонной тишина
затаилась, скорбная, немая.
ты сидишь, колени обнимая,
на диване в комнате одна.
и в расстройстве горестно молчишь.

...жаль, что ты опять не позвонишь.

* * *

*Как в глухом лесу плачет чёрный дрозд.
А. Башлачёв*

любой високосный год —
знаковый и дурной.
втягиваешь живот,
падаешь в перегной.

пытаешься прорасти
мыслящим тростником,
в сущности, обрести
новую жизнь. о ком

заплачет в глухом лесу
чёрный от горя дрозд, —
так ли уж важно? — суть
в том, чтобы ты пророс.

так выпусти по весне
к небу побег живой.
что не убьёт, сильнее
сделает нас с тобой.

* * *

оличка лапочка нежный цветок росянки
ты так волшебна невинна и всё такое
мне до тебя дотронуться ли рукою
злой амазонки взбалмошной вакханки

оличка ласточка рыбка моей печали
рядом с лакуной сердца в лагуне ласки
в омуте беспокойства готовлю ласты
склею их ненароком и чао-чао

студгородок

студенты прохладной жизни,
молодая шпана.
чувствуешь себя лишним —
персонажем сна —

вязкого и чужого,
где вся твоя роль:
не говорить ни слова,
потягивать алкоголь.

слоняться по территории,
узнавать места,
и понимать — ни горя, ни
радости — пустота.

* * *

у моей подруги вылетели пробки,
у неё в коробке черепной КЗ.
ей бы жить на юге, где-нибудь в Алушке,
да лечить мигрени, сплин и ОРЗ.

у моей зазнобы, видимо, проблемы, —
ум зашёл за разум, в голове бардак.
мается в ознобе, ёжится от шума,
и глядит угрюмо, словно пастор Шлаг.

это, верно, климат, — топи да болота.
это, видно, тёмный низкий небосвод.
это мёртвый город нас с тобою люто
давит, ненавидит, гложет и гнетёт.

...мы с тобой уедем в сказочные страны.
там поют фонтаны, там шумит прибой.
в дивный край зелёный, солнцем утомлённый,
мы с тобой уедем. мы с тобой. с тобой.

ЗА МИНУТУ ДО ПРОБУЖДЕНИЯ

за минуту до пробуждения

мне снилось нечто, непонятный сон:
напротив умирали комиссары,
брандмауэр измазан был в крови,
на мостовой вальсировали пары,
и безучастно что-то о любви
пел репродуктор. брошенный понтон
стучал о сваи мёртвого причала.
и дивная мелодия звучала.
и голос безучастно вторил в тон.

кружение пар на томной мостовой.
и в пыльном шлеме, всё ещё живой,
на фоне окровавленной стены,
полз комиссар. к чему такие сны?
куда он полз? — бог весть. он умер в миг,
когда достигла музыка крещендо.
наверняка он что-нибудь постиг,
пока агонизировал. зачем-то
он полз по направлению от причала,
пока был жив, и музыка звучала.

и я глядел на это из окна,
задумчиво гадая: «нахрена
ползти ему?», крошил «герцеговину»
и папиросный уминал табак,
я взять пытался в толк (увы! — никак),
и спичка, прогорев наполовину,
мне пальцы жгла, и френч натёр мне спину,
и, дополняя общую картину,
как некий беспощадный метроном,
понтон стучал о сваи. бог покинул
сей мир печальный, вышел за вином
в ближайший гастроном и сгинул, сгинул.

что наша жизнь? — тщета и суета, —
дрянная череда дурных событий,
нелепых драм, бессмысленных соитий,
жестоких, ужасающих открытий,
ведущих к осознанию — звезда
вон там, на небосклоне никогда
тебе по этой жизни не светила.
вот — колыбель, вот — поле, вот — могила.
и это всё, что будет, есть и было.

мне снился сон. к удаче ли, к беде? —
не ведаю, не знаю. новый день
ничем не отличается от сна:
сезон любви, холодная весна,
ряды неровных строчек на листе.
и бабочка порхает в пустоте.

* * *

дождь прошёл. запахло сеном,
свежескошенной травой.
кровь быстрее бежит по венам,
понимаешь постепенно,
что по-прежнему живой.

то есть, всё ещё способен
замечать, как жизнь легка.
то есть, кроме ям, колдобин,
склок, обидок, маний, фобий,
небо есть и облака.

за оградю фонтаны
города петродворца.
ты идёшь, ещё не пьяный,
мент стоит с каким-то странным
выражением лица, —

то ль с утра не похмелился,
то ли поздно лёг вчера.
городок дождём умылся.
чёрный ворон в небо взвился.
словом, чудная пора.

благодать кругом такая!
солнце, дождь, трава, сирень,
вроде как, благоухает.
ворон в синем небе тает.
превосходный, в общем, день.

Дорожное 2

«тик-так» на стыках — катится вагон.
в любой разлуке сыщется резон.
(осваивай искусство расставаний).
лиц череда, событий череда,
разъезды, полустанки, города,
обрывки разговоров, духота —
под стук колёс, мерило расстояний.

мелькают телеграфные столбы.
(преодолев инерцию судьбы,
теряешь, обрываешь, обретаешь).
что в этой тяге к перемене мест? —
проклятие, удел, призванье, крест?
когда мне эта гонка надоест,
я не вернусь, и ты об этом знаешь.

осяду где-нибудь в глухом краю.
освою ремесло — не гамаюн,
а что-нибудь попроще — два прихлопа
да три притопа, скажем, — тракторист,
прозрачен, как слеза, и, словно лист
пустой тетрадный, чист. ты не журишь —
я не Улисс, и ты не Пенелопа.

венки из ожиданий слишком прост,
он не идёт копне твоих волос.
(звенит пустой стакан о подстаканник).
торопятся минуты в никуда.
бессонница. холодная звезда
горит в ночи. не думай, не гадай.
осваивай искусство расставаний.

Два курортных стихотворения

1.

шумит волна. шуршит сырой песок.
медлительный поток уносит тело,
которое вчера ещё потело,
а нынче отплывает на восток.

ему теперь что небо, что земля,
рассвет, закат — всё, в сущности, едино.
как будто кто сказал ему «иди на»
и ласково добавил «не петляй».

и вот, оно отправилось (куда?)
в последний путь, к последнему приюту.
и солнце в небе щурится, как будто.
и ластится прохладная вода.

к чему теперь всё это: крем, загар,
вечерние попойки в ресторане?
когда ты в синем море, словно в ванне,
прочь уплываешь, как ночной кошмар.

2.

ты был любим и счастлив, иногда,
пока тебя не приняла вода.
напористая вязкая среда
заполонила всё, но пусто в теле.

подобные купания вредны, —
ты больше не способен видеть сны,
в истоме плыть пространством тишины
в ковчеге упоительной постели.

увы, пришли иные времена.
теперь тебя баюкают волна
и легкий бриз. халатности цена —
душа твоя рассталась с оболочкой.

глянь — мечется в отчаянной тоске,
не оставляя, впрочем, на песке
следов своих. труп тает вдалеке,
уже сравнимый с неприметной точкой.

СКУНСШТЮК

в домах иных ни света, ни тепла.
бойницы окон плятятся в пространство,
собой являя воплощение зла
(на первый взгляд так может показаться),
и, если ближе подойти, снаружи
пытаясь разобраться «что там? ну же!»
за патиною пыльного стекла,
твой мозг пронзает тонкая игла
тревожного дрянного беспокойства,
неясного мистического свойства,
как будто в летний зной дохнуло стужей.
так неуютно, странно, словно в душу
твою проник бесцеремонный мрак
и шарит там. — так пьяница в кармане
своём найти пытается пятак,
что пропит был вчера ещё, в дурмане
похмельном раздражён и полупьян,
и удивлён, что пуст его карман.

ни света, ни тепла в иных домах,
но что-то манит внутрь, — любопытно,
откуда этот непонятный страх?
снаружи ничего, увы, не видно!
откуда эта аура вокруг? —
ни пенья птиц, ни шороха, ни звука.
вдруг там гигантский прячется паук,
который всё пожрал в округе, вдруг
там кто-нибудь лежит — ни ног, ни рук,
лишённый нюха, зрения и слуха,
и ждёт когда спасут его, без стука
войдёт герой отважный и спасёт.
и вот тебя уже к двери несёт.
что затаилось там? — поди, проверь!
и ты толкаешь запёртую дверь.

дверь поддаётся, раздаётся скрип
заржавленных петель, внутри темно,
несёт помойкой, где-то за стеной
бачок сливной журчит. похож на хрип
невнятный звук. пройдя по коридору
ты попадаешь в некую темницу,

весьма напоминающую нору, —
в ней смрад такой, что задохнуться впору,
как будто там издох огромный боров, —
в клетчатке жирной есть чем поживиться
червям и мухам, чем попить.
ты переводишь взгляд свой на кровать,
испуганно увидеть ожидая
картину жуткой бойни, но — пустая
кровать, что справа от входной двери.
никто ещё не умер. отомри.

в норе живет замшелый мутный кент,
любитель канапе и политеса,
радетель конопляного процесса,
он некогда изрядный был повеса,
теперь он абстинентный импотент.
в его мозгу не плесень, но — гнильца.
его глаза навывкате, пустые,
дебильность выражению лица
отчасти придают. когда мосты и
проспекты Петербурга эта рвань
неверною походкой посещает,
его персоной матери страшат
детишек малолетних: «эка пьянь
гляди идёт, коль будешь непослушен,
таким же станешь или даже хуже!»

да вот он сам: сидит на канапе,
таращит зенки, мутные, в пространство,
невнятно произносит слово «здравствуй»
и пакши тянет жадные к тебе.
он говорит: «приятель, помоги!
я в этом гнусном склепе подышаю,
судьба моя нелёгкая, лихая».
но ты его не слушай, ты беги
от этого фуфлыжника, пока
ты сам не пропитался душным смрадом,
с подобной дрянью находиться рядом
чревато, речь его подобна яду,
поверь, дружок, опасность велика. —
сперва он подольстит тебе, слегка
елея в уши хищно подольёт,
потом возьмёт по полной в оборот.

он этот трюк проделывал не раз. —
заманит любопытного в тенёта
своей халупы, включит идиота
и ну морочить гостя. может в пляс
пуститься, беспонтовый, неуклюжий,
как будто кто ему напялил лыжи
и на асфальт поставил. либо рожу
какую скорчит, буркалы вращая,
иль засвистит, как закипевший чайник
на чахлой плитке. спросишь: «для чего?» —
чтоб посетитель пожалел его
и денег дал, к примеру, иль жратвы,
к работе не способен он, увы.

всё б ничего, но этот фармазон
всё время норовит вцепиться в руку,
что кормит эту гниlostную суку.
не искушай фортуна, выйди вон.
пока рука твоя ещё цела,
и ты способен сам найти дорогу
наружу — прочь беги, оно убого,
оно способно потреблять и только.
тебя сюда кривая завела.
пока не стала ноша тяжела,
покинь обитель этого козла!

ни света, ни тепла в домах иных,
и никогда не будет, хоть ты тресни. —
морозной ночью, в летний день воскресный
они полны угрюмой тишины.
в сплетенье коридоров, комнат, лестниц
трухлявый разум спит и видит сны.

Я ЗНАЮ, ГДЕ ТЫ СИДИШЬ

* * *

выправлю бритву
на сыромятном ремне.
помнишь молитву?
перескажи её мне.

не заикайся.
скороговоркой, ну!
кайся, брыкайся —
бестолку. в тишину

канут любое
слово твоё и ты
вместе с любовью
мнимой. из темноты

лютая память
выхватит абрис, жест.
чёрное пламя
ненависти. асбест

здорового смысла
разум не защитит!
как тебе? — кисло?
дёргается? болит?

правду иль кривду —
поздно! — грешна, чиста...
помнишь молитву?
ну же! давай! читай!

* * *

...и я отвечаю господи я устал
внутри себя смотреть как в некий кристалл
перебирать все эти если бы да кабы
раскачивать лодку увиливать от судьбы

падаешь в эту пропасть убит отпет
вычеркнут из всех списков а дна всё нет
вальсируешь неуклюже на раз два три
вязкая мгла снаружи и лёд внутри

* * *

...а что ты видишь кроме — дом, работа,
любовник, дочь?
любовников меняешь раз в полгода.
полжизни — прочь.

авралы, стрессы — этому ли рада? —
в расход, в распыл.
и что теперь с того, что я когда-то
тебя любил.

* * *

каждый раз, выходя на балтийский вокзал
из метро, вспоминаю тебя.
здесь когда-то (ты помнишь?) тебя я встречал
каждый вечер. коньяк пригубя,

десять грамм под язык, прямиком от метро,
прикурив, к остановке пойду,
где рыжее автобус. подумаю про
нас с тобой, посмотрю на звезду,

что не светит сквозь тучи, да место займу,
и поеду. поеду домой.
и автобус сквозь чёрную, чёрную тьму
повезёт меня. вместе со мной

повезёт мои думы, усталость, коньяк,
кстати, да — десять грамм под язык.
и всё мнится, — звезда не пробьётся сквозь мрак.
впрочем, это неважно, привык.

* * *

старушка с хитрыми глазами
на невском милостыню просит
под голубыми небесами
в санкт-петербург приходит осень

прогулочным неспешным шагом
пройду бабульки этой мимо
шурша обёрточной бумагой
дымя приплюснутою примой

нырну в метро очнусь в трамвае
что ковыляет мимо храма
ах петербург мосты нева и
щиты с рекламой

окраинных районов спальных
многоэтажки
и на душе светло печально
и всё неважно

* * *

на самом-то деле
всё было совсем не так —
на прошлой неделе
я понял, что это знак.

я вышел из дома,
закрыв за собою дверь.
я спрятал в укромном
месте ключи. теперь

их только случайно
можно найти. и то,
что делать с ключами,
не знает никто, никто.

* * *

*«раз два три четыре пять»
Бог идёт тебя искать
Ольга Хохлова*

в жёлтом парке — бабье лето,
в синем небе — облака.
банка с пивом, сигарета.
жизнь, как водится, легка.
в хрустале случайной лужи
слепо щурится звезда.
опускается на душу
тень багряного листа.

раз, два, три, четыре, пять —
бог идёт тебя искать.

вдруг меняется картина:
меркнет свет, звенит звонок,
словно некто смотрит в спину,
беспощадный, как клинок.
и за гранью восприятья,
в сизом мареве тоски,
злая осень в пёстром платье
рвёт свои черновики.

кто не спрятался, тому —
посох в руки и суму.

не спасёшь, не отогреешь,
не распутаеть следы.
не заштопаешь, не склеишь —
шов досады, скол беды.
и ложатся тяжким грузом
в душу мёртвые слова.
те, что шепчет то ли муза,
то ли чёрная вдова.

* * *

узорчатая ограда,
травы звенят.
скажи в пустоту обрадовано:
хуйня.

весь этот фарс нелепый,
тягостный бред, —
кем это всё востребовано?
мной? — нет!

слёзы, стенанья, трубы,
литавров медь.
чья эта жизнь загубленная?
чья смерть?

правит свой бал эпоха
пафосной лжи.
оставь мертвецам их похороны,
ты — жив.

* * *

я знаю, где ты сидишь,
в каком офисе,
что у тебя с крышей
этой осенью.

какая тебя бездна
зовет дружески,
стремительная, как лестница
в метро калужская.

сорвёшься в неё разом:
опа — ни ног, ни рук.
вот тогда и отпразднуем.
привет доктору.

* * *

понеслось дерьмо по трубам, дрянь по венам.
станешь безобидным трупом, непременно.

неприметной серой кочкой на кладбище.
будет этот мир, короче, много чище.

а и вправду — что коптить его задаром? —
слушай лучше пенье птичье под кумаром,

от которого уже не отдышаться.
бесконечное кружение — без шансов.

* * *

варварский век.
каждый второй — шахид.
падаешь в снег,
вроде бы не убит.

вроде бы цел:
ноги, живот, лицо.
что там в конце,
мать твою так, концов

снова: манеж,
комплекс жилой, метро?
где тебя срежет,
кто тебе пустит кровь? —

бравый абрек,
хрупкая гюльчатай?

падаешь в снег,
воздух тугой глотая.

* * *

А. Ефимову, рыболову и комментатору

специалист по точкам и заглавным,
алкаш, трепач.
махни стакан, потом занюхай плавленным,
иди — рыбачь.

мы тоже были рысаками с гонором.
да что там! — есть.
нас не проймёшь занудными прогонами,
стеклом о жечь.

расставь — тире, кавычки, троеточия
на всём пути.
глаголом жги, юродствуй, плачь и протчая.
но — не пизди.

* * *

*А грустно было и уныло,
печально, да ведь?
Борис Рыжий*

а не было ни горя, ни печали —
любовь была.
была-была, не пожимай плечами.
сирень цвела.

и мы с тобой в то лето тоже были,
как та сирень.
и в небе облака над нами плыли,
и длился день.

и был закат медлительный и нежный,
и небо над.

так надвигался, ставший неизбежным,
крошечный ад.

* * *

впору лечь и замереть, — не вставать
и не слышать ни вестей-новостей,
ни гостей не принимать. обнимать
свои плечи, занимая постель
без остатка, безраздельно, как гроб.
только ходики — «тик-так» — со стены,
в царстве мёртвой, как ты сам, тишины.

поцелуй меня, любимая, в лоб,
осени меня три раза крестом.
вот он я — лежу недвижно пластом.
и не встану ни сейчас, ни потом.

* * *

сейчас заболит голова
станет невмоготу
сплёвываешь слова
в пустоту

гулкую как бездон-
ный колодец как
пустой молочный бидон
на устах

кроме проклятий нет
ни черта
меркнет холодный свет
пустота

* * *

рифмуешь ли кровь с любовью,
морковь с капустой,
выходит всё — суесловье,
бездарно, пусто.

и пользы от этих строчек,
что кот наплакал —
выключен, обесточен,
низвергнут на пол.

плюшевою игрушкой
оставлен в детской —
тошно, темно и скучно
за занавеской, —

некий аналог
вечности и покоя.

...жаль, что тебя не стало,
и всё такое.

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

* * *

оставь ему господь
и кровь его и плоть
и кров его и стол
и жизни смысл простой

не обрекай на смерть
на боль в чужой стране
не вынуждай гореть
и выгорать в огне

не направляй на путь
бессмысленной борьбы
позволь ему не быть
орудием судьбы

не постижима суть
ни замыслов твоих
ни промыслов твоих

оставь ему двоих
оставь ему двоих

* * *

кровь не бурлит по венам
течёт едва
якобы о нетленном
слова слова

некогда выпить водки
сходить в кино
в гости к одной красоте
выбраться но

к факту литературы
не отнести
ни пьянство ни шуры-муры
кропай сиди

лепи типовые строки
все с потолка
о вечности ли о боге
тоска тоска

* * *

*И, встречая ночную прелестницу,
Улыбаясь в лучах фонаря,
Наблюдать, как небесную лестницу
В алый шёлк убирает заря.
Валерий Брюсов*

у детишек совсем новый год
третий день как настали сугробы
в небесах шелестит самолёт
плавниками космической рыбы
и петарда взмывает утробой
грохоча и пугая народ

пробираясь домой от метро
отмечай измененья в пейзаже
там где бурым всё было и рыжим
снег лежит и значительно выше
небо стало и вроде как даже
легче дышится зимней порой

так бывает в конце ноября
замордован работой и бытом
ощущая себя то ли быдлом
то ли трупом до срока отпетым
формалином и спиртом пропитан
встанешь вдруг и в лучах фонаря
озираешься не говоря
ничего и взмывает ракета
и окрестные окна горят

* * *

мёртвые хоронят мертвецов.
сделай подходящее лицо
под такой ответственный момент.
в траурном переплетенье лент
мёртвые, теперь уже, цветы, —
как она и он, как я и ты.

скорбно и торжественно стоим.
смотрим, как уходит в небо дым,
растворяясь в бледной синеве.
такова, вздыхаем, селяви. —
бьёт ключом, и всё по голове.
прёт, как танк, и не остановить.

альбиони, моцарт и шопен.
суета, томление и тлен.
вязкие прощальные слова.
зябнущего неба синева.
дальний звон нездешних бубенцов.
мёртвые хоронят мертвецов.

* * *

Как будто тебя и нет.
Как будто ты умерла. —
Лежишь в обрамленье лент,
Траурных, все дела.

Подруги, друзья, родня,
Скрежет зубовой, плач.
Как славно, что без меня,
Что я не вон тот трубач

В оркестре, что с бодуна
Не попадает в такт,
Я даже не из окна
На это смотрю, а так —

Пива купить в лабаз
Шёл через школьный двор.
А тут и тебя как раз
Хоронят под си-минор.

Ни месяца, ни числа,
Недавно или давно —
Не помню. Ты умерла.
И хватит. И всё равно.

Троицк - Москва 2

белым саваном искристый снег
А. Кусиков

Жестянка маршрутной газели
пятнадцать везёт человек.
Плетётся порой еле-еле,
порой ускоряет свой бег.

Вжимает педаль до упора
водила, пытаюсь успеть
с налёта рубеж светофора,
как вражий редут, одолеть.

Вморожены в узкие кресла,
мы живы, мы дышим пока,
кемарим вполглаза под песни
о тяготах жизни ЗэКа.

Душа ли останется в теле,
оттает ли иней с ресниц,
когда: «...ювелирных изделий»
и скользкая лестница вниз? —

Неведомо. Скрыто во мраке
грядущее. Дёрганный бег
маршрутки, дорожные знаки
и саваном искристый снег.

* * *

последнее ерунда
вычеркни из письма
ты всё равно никогда
не сможешь сойти с ума

настолько чтобы уйти
до времени за черту
так что не городи
ерунду

последнее чистый бред
пафос позёрство блажь
его изначально нет
и ты это знаешь

так что оставь перо
в покое живи как есть
зови это всё игрой
в игре своя прелесть

* * *

не обращай к богу
бог не услышит
толку-то бить тревогу
небо не дышит

осенью в этом сером
городе смерти
где ни любви ни веры
ибо не светит

в небе ни солнца
ни путевой милой
только дворы-колодцы
только могилы

Москва - Троицк

живи как все в одиночку
не умирай живи
среди одиноких прочих
делающих вид
что всё в их судьбе прекрасно
подверженных злым страстям
являющихся напрасным
довеском своим костям

живи приятель покуда
тянется суета
и теплится вера в чудо
что будет вот-вот не так
мутно и монотонно
автобус плывёт в ночи
слякотной и бездонной
в кармане звенят ключи

от серого и чужого
дома где всем плевать
зачем ты откуда снова
падаешь на кровать
глаза открываешь утро
значит опять пора
впрягайся живи как будто
рано не умирай

* * *

какой-никакой роман —
упал, отжался, уснул.
у неё муж — мариман,
ушёл в истанбул.

у неё в окнах — рассвет,
почти как живой.
и практически нет
проблем с головой.

в доме налажен быт —
камин, попугай, герань.
и к тому же на вид —
ничего так герла.

можно сказать, шарман.
побудка, поёбка, душ.
вялый такой роман.
пока не вернётся муж.

* * *

по образу и подобию своему
вылеплю куклу, отправлю блуждать во тьму. —
пусть постигает, что к чему, почему
зайцы дружны с мазаем, герасим с муму.

по образу и подобию, вкривь да вкось,
авось не развалится, выправится авось,
вылеплю куклу, выставлю за порог —
дурь в голове, в котомке сухой паёк.

по образу и подобию... пусть хлебнёт
то, что и спьяну сложно принять за мёд,
то, чем пристало потчевать от души —
ртутной отравы из ненависти и лжи.

выживет — станет стоек, что твой солдат.
то есть, достоин почестей и наград.
словом, займёт одно из вакантных мест,
для тех, кто прошёл-таки этот поганый квест.

* * *

это как наполнить пустоту.
(эту, ту).

внутренней могильной тишиной.
(ты — со мной).

забирайся в чёрный тарантас.
(водка, квас).

да поедem в гиблые места.
(жизнь проста).

вдоль дороги топи да туман.
вскрой карман.

что упало? — мелочь, перезвон. —
для ворон.

что в итоге? — та же пустота.
жизнь — проста.

#404

...где рыжее автобус

1.

автобус сменил окрас, —
был рыжим, стал бело-синим.
маршрут, на котором нас
не встретить уже. насильно,

как говорится, мил
не будешь, вот и не стали...
билет, не забудь, возьми,
остальное детали.

2.

я ли тебя не баловал, не носил
на руках, к дому не подвозил
на такси, не ставил на пьедестал?
всё — устал.

я ли тебя не воспевал, не пел
песен тебе под окнами, не болел
тобою до лихорадки, до тёмных снов?
всё — здоров.

3.

маршрут простой: от «автово» и далее,
с привычными за столько лет деталями, —
дома, деревья, люди по обочинам
и прочее.

за сорок пять минут поездки в прошлое
всё вспомнишь: и плохое, и хорошее.
все огорченья, радости, оплошности.
под нож, прости.

очнёшься: петергоф. считай, доехали.
ларёк, сберкасса, арка за аптекой, и
почти что дома. то есть, не пора ли нам
к реалиям.

4.

всё уже поздно,
даже сказать прости.
даже по звёздам
не отыскать пути.

вот и плутаешь,
кружишь без цели, да
изобретаешь
способ прожить и так.

вечность по кругу,
чёртово колесо.
вытяни руку —
что там? — вода, песок.

скоро ли пряжа,
нитка сойдёт на нет.
небо, как сажа,
пусто внутри, во вне.

* * *

свет в окошке понарошку —
кто-то пошутил.
заведу, пожалуй, кошку,
господи прости.

пусть встречает у порога,
трётся да урчит.
будем вместе понемногу
медленно влачить

бытиё своё смешное,
свой покой стеречь.
слушать звуки за стеною,
свет на кухне жечь.

* * *

всё так трагично и печально
как будто чёрный пистолет
твой череп выстрелом нечаянным
разворотил и больше нет
ни этой женщины в сорочке
ночной ни девушки в трико
что танцевала так легко
как будто заклепили скотчем
небрежным брешь в твоей башке
и закопали в землю впрочем
не где-нибудь в глухом леске
а на кладбище честь по чести
с музыкой прочей маемой
звездой гранитною плитой
и профилем эмаль по жести

* * *

в своей печали пребывая
не забывай меня дружок
ходи с оглядкой на трамваи
ставь аккуратней сапожок
когда скользишь по тротуару
оледенелому в толпе
под наплывающие фары
навстречу проклятой судьбе
когда прохожих задевая
идёшь меня не узнавая
я тоже помню о тебе

всё время помню о тебе

* * *

в гулких ладонях ладожского вокзала
это не я придумал но ты сказала
в марте апреле мае уже не помню
да и не суть тем паче что ты никто мне
всё это было было но в прошлой жизни
в позапрошлой ты говорила пока не кисни
а в нынешней только письма и те по делу
но даже от них невольный озноб по телу
и в ночи отдаётся эхом твой голос давний
и сердце бьётся как будто каблук о камни
стучит по мраморным плитам пустого зала
в гулких ладонях ладожского вокзала

* * *

Бредущий краем жизни пилигрим,
Летящий краем неба шар воздушный,
Язычник, виршеплёт прекраснодушный,
Останься до утра — поговорим.

Ты зря сюда явился. — Третий Рим
Величием своим и равнодушьем
Античному подобен. И не лучше
Людская участь в нём. — Необорим

И неподкупен город. Жрец пера,
Ударно выдающий на гора
Едва ли шедевральные творенья,

Бессмысленна неравная борьба.
Остынь, пока хранит тебя судьба.
Коснись руин, и — в путь, во мглу забвенья.

* * *

отходит вагон от перрона
вдоль чёрных обугленных крон
в процессе тягучем разгона
скрипит и качается он
и в коконе этом железном
под стук чугуна о чугун
ты едешь зачем неизвестно
исчезнуть в одной из лакун

извечная тяга к побегу
сорваться с насиженных мест
петлять словно заяц по снегу
скитаться пока не заест
тоска ностальгия неважно
как эту хандру ни зови
она разрастётся однажды
до внутренней язвы любви

войти в эту бывшую воду
отмыться от прошлой вины
махнуть на былую свободу
и выяснить что не нужны
твои добровольные цели
готовность осесть навсегда
что зря ты на самом-то деле
идёшь по обратным следам

и вот начинай всё сначала
мечтай о ничейной земле
уходит баркас от причала
скрывается город во мгле
и жить удивительно просто
когда за верстою верста
и в небе над тёмным погостом
холодная злая звезда

* * *

теперь я знаю где тебя искать
холодными тугими вечерами
какими обоюдными словами
полосовать

я точно знаю сколько это ноль
помноженный на значимость момента
делить на бесполезность аргументов
плюс алкоголь

я слышу что скрипит пустой трамвай
на этом ежедневном повороте
о чём молчит звезда твоя напротив
скажи давай

* * *

сугробы оседают ощутимо,
в промозглом стылом воздухе весной,
грядущей, веет. обсуди со мной
нюансы бытия в окрестных риму

микрорайонах. снег, подобно гриму,
скрывает шрамы. коркой ледяной
покрыты тротуары. мир иной
мерещится, когда несётся мимо

поток, сплошной автомобильный, леты
подобие, — нырнешь в него, и, где ты
окажешься в итоге, не дано

предугадать. перебирай монеты
в кармане, в ожидании рассвета.
на остановке в семь ещё темно.

По чёрной ветке

1.

прыг — на рельсы.
вжик — голубой вагон, —
словно целился:
скрежет, кровища, гомон.

любопытные
с края платформы — вниз,
ненасытные
до зрелищ — «а что случилось?»

2.

по чёрной ветке мёртвого метро
туда где в клетке щурится хитро

в гардинном полумраке злая птица
пора тебе мой ангел возвратиться

она смеётся хрипло обо мне
не обращай внимания и не

грусти о том что в жизни не сбылось
я тоже всё прощу тебе авось

3.

уйдёшь в иное измерение,
придёшь к идее умирания,
к необратимости забвения,
к необходимости заранее

изъять решительно из памяти
былое, вычеркнуть из прошлого.
по новой выучиться грамоте,
и вот, глядишь, уже выброшена

на зеркало тряпица белая,
вода на угол дома вылита.
мы всё с тобой, как надо, сделали,
готовься: сорок дней до вылета.

* * *

уже и не вспомнить, когда это было —
месяц, число.
что ты конкретно мне говорила,
кого трясло

больше — тебя ли, меня — не помню —
забыл, заспал.
в угрюмой глуши коридоров, комнат
души пропал.

ангелы в белых, как снег, халатах —
все заодно.
войлочно, глухо в моих палатах.
темно. темно.

* * *

а это лекарство от нашей с тобой тоски
от колыбели до гробовой доски
спать на ходу жить в непробудном сне
верить что истины нет и на самом дне
моря стакана тёмной глухой души
спи несмеяна нет её не ищи

* * *

в прожорливом чреве вагона
встречает лиловый рассвет
на полке, казённой,
капризный и томный,
великий, но русский поэт.

измучен нарзаном и колой,
бессонницей мается он,
рифмует глаголы,
уныло и квёло, —
типичный, кароче, гандон.

его волосатые ноги
сиротски в проходе торчат.
как будто бы строгий,
но в целом убогий,
ублюдочный, в сущности, взгляд.

он едет, допустим, с визитом
в далёкие, скажем, места.
он быть знаменитым
хотел, но корытом,
разбитым, накрылась мечта.

зато есть пальцовки да бзики,
да мутный укуренный бред. —
бездарный, безликий,
гнилой, безъязыкий,
хуйовенький, в общем, поэт.

в прожорливом чреве вагона
трясётся движению в такт
машины стотонной,
капризный и томный,
напыщенный, злобный мудак.

РЕЧЁВКА

Новый Раскольников

снял квартиру на дыбенко
курил дешёвый беломор
меж холодильником и стенкой
хранил заржавленный топор

ходил исправно на работу
по выходным изрядно пил
роптал на скверную погоду
годами с книжных полок пыль

не вытирал поскольку к чтению
ещё со школы охладел
приметам снам и провиденью
не доверял всегда глядел

не дальше собственного носа
болел конечно за зенит
и в високосный год под осень
коньки отбросил не болит

душа о нём да и с чего бы
душе означенной болеть
когда он был рождён для гроба
не жить а так бездарно тлеть

размеренно и бесполезно
не замечаемый в упор
судьбою так же как железный
за холодильником топор

пруды и парки петергофа

1.

пруды и парки петергофа,
петродворцовый неуют.
вот здесь мы раньше пили кофе,
вон там глядели на салют,

на этой остановке ждали
автобус в университет,
уже подробности едва ли
припомнишь, ибо столько лет

прошло с тех пор. — одни далече,
других (тебя) и вовсе нет.
со временем и вправду легче
смириться с этим фактом. след

твой тает, тает постоянно,
совсем исчезнет ли когда?
как та, за ключьями тумана
неразличимая, звезда.

2.

пруды и парки петергофа
петродворцовый неуют
лафа слагающему строфы
про то что бабы не дают

про водку (безусловно бяка)
про деньги (их вестимо нет)
про дождь (всё время льёт собака)
про «где твой чёрный пистолет»

как будто застрелиться впору
от жизни сумрачной такой
но отсырел в значке порох
к тому же нету под рукой

ствола и как писалось выше
(смотри вторую пару строк)
сегодня я из дома вышел
всего лишь сочинить стишок.

* * *

В твоих садах ночует осень,
роняет жёлтые плоды,
в твои задумчивые косы
вплетает явные следы.

А ты их маскируешь хною,
дешёвым средством для волос,
и тяготишься быть со мною,
как одиночеством, до слёз.

И я, невозмутимый лекарь,
снимая твой дежурный стресс,
читаю по смежённым векам
твоим свой приговор и, без

протеста, честно, принимаю
урок безжалостной судьбы. —
Вот-вот уже придёт зима и
под снегом скроет всё, увы.

* * *

Сладко пахнет пролитым бензином.
Спичку поднеси, —
попахнет смертельно и картинно. —
Согласись?

Отойдут на задний план печали. —
Дескать, всё фигня.
Мол, отчалил, мол, не плачь ночами
без меня.

Дескать, вряд ли быть могло иначе,
не грусти и не
плачь... Да ты давно уже не плачешь
обо мне.

* * *

осторожно двери закрывали
скорбно говорили не жилец
о возможных сроках узнавали
скоро ли придёт уже конец
этим принудительным заботам
о формально всё ещё живом
предстоящим бредящим уходом
безнадёжно-раковым больном

третьи сутки не прийти в сознание
никого из близких не узнать
в этой процедуре умиранья
надо кардинально всё менять
третьи сутки не расстаться с телом
насмерть перепуганной душе
словно суд приговорил к расстрелу
и вот-вот придут идут уже

странно даже жил согласно плану
вырастил построил воспитал
вроде бы трудился неустанно
а вот лёгкой смерти Бог не дал
сумрак в доме пролежни на теле
кто угодно сжальтесь надо мной
всё яснее в изголовье тени
прежде отошедших в мир иной

поздно злиться каяться молиться
в панике молоть полнейший вздор
с Богом что ли отворяй темницу
выводи болезную во двор
залп и стихли тёмные печали
ни погост не важен ни страна
отгорел отмаялся отчалил
мрак и гробовая тишина

* * *

уехать прочь на две недели
в иные (тёплые) края.
там все при обнажённом теле,
изъянов тела не тая,
собою наводняют пляжи
с рассвета и до темноты.
кусочек крымского пейзажа:
колени, спины, животы.

там целлюлитная красotka
желеобразный бюст несёт
в прохладу вод прибрежных. лодка
рыбачья медленно плывёт
вдоль горизонта. облак тает
в невыносимой синеве,
такого неба не бывает
в санкт-петербурге. там за две

с полтиной гривны минералка
в ближайшей лавке (пиво — три).
там шкуры собственной не жалко —
ну что с того, что обгорит
слегка, зато пройдут: простуда,
ринит, артрит, любовь к хандре.
уехать прочь! свалить, покуда
сезон... жаль, отпуск в декабре.

в метро

паклю выцветших волос
теревит сквозняк ли ветер.
и тебе на этом свете
жить, как будто, довелось.

дом, работа, магазин,
муж, любовник — что в итоге?
смерть маячит на пороге.
опускаешь жалюзи

век устало. строг и прост
макияж, — посмертной маски
прототип. печальной сказки
фабула: роддом — погост.

между ними, вроде, жизнь —
школа, вуз, семья, работа,
дети, внуки... только что-то
не сложилось. не сложилось.

* * *

после соития всякая тварь печальна,
после распития тянет бухнуть ещё.
хочешь, я напою тебя чаем,
поговорю с тобой ни о чём?

радио эльдорадо даёт равеля.
время вот-вот перевалит за пять утра.
кто тут печальней нас? — никого. — трезвее
сколько угодно. чайник вскипел. пора.

* * *

в итоге станет всё как прежде
тебя закружит хоровод
иных соблазнов и надежде
моей решительно придёт

пиздец стремительный и полный
как с. лукьяненко (фантаст)
обидно будет будет больно
что никогда уже не даст

такая сказочная краля
такая ветреная ты
чуть рыхловата правда в талии
но чиста гений красоты

* * *

загремела в дурку тая
да и ладно с ней
мы о том жалеть не станем
докторам видней

кто из нас больной и буйный
кто здоров как лось
до свиданья тая будем
навещать авось

* * *

чулочки в сеточку
готичная помада
ах детка-веточка
из катькиного сада

вниз по садовой ми-
мо суетной апрашки
меня с собой возьми
со мной не так и страшно

хотя куда я в не-
начищенных ботинках
я пуст сударыня
прохожий-невидимка

иду за вами лишь
до станции сенная
а там гудбай малыш
не вспомню не узнаю

* * *

*жить тяжело и неудобно
Борис Рыжий*

...а это, братец, полная луна
заглядывает в общую палату.
где небо из окна и тишина,
где тяжесть принудительного сна —
покой, порядок.

где дальше заскорузлый коридор.
дежурный врач сжимает папиросный
мундштук в зубах, разглядывая двор
задумчиво — всё то же: морг, забор,
каталка, простынь.

и лунный свет струится с высоты,
где я и ты.

* * *

и жизнь твоя ненастоящая
и смерть нелепою была
лежи теперь в сосновом ящике
обыкновенного стола

в страницы книги замурованный
веди пустым минутам счёт
пока другой командированный
тебя однажды не прочтёт

с гримасой скуки и уныния
на плохо выбритом лице
чья жизни оборвётся линия
нелепым приступом в конце

* * *

вот и всё любимая вот и всё
бурый шарф намотан на колесо
мчит вперёд стремительный кадиллак
всем гудлак

не судьба любимая не судьба
болт забитый сорванная резьба
миг и ты у пропасти на краю
всем адью

да и я по совести говоря
в непроглядных сумерках декабря
неспроста забрался на табурет
всем привет

* * *

*Я делаю литературу следующего измерения.
Михаил Шишкин*

четыре-дэ литература
для ординарного ума
невыносимая халтура
другое дело литгурма-
нитарий с отрешённым ликом
и марсианином внутри
ему бесспорно льстит к велико-
му рожденью новой ли-
тературы быть причастным
хотя он знает сам прекрасно
на что феномен сей не множь
всё ноль наёбка пшик пиздёж

речёвка

ничего не происходит
да и не произойдёт
мент похмельно жезлом водит
мимо дерево растёт
возле ржавого забора
смотрит в небо одиссей
он домой ещё не скоро
он из дома насовсем

ничего не происходит
кроме разве что весны
те же траблы на работе
те же мысли те же сны
из порожнего в пустое
суета-тире-дела
что нам стоит дом построить
а потом спалить дотла

или жить семья заботы
дети внуки горсть земли
эти крылья для полёта
эта шея для петли
этот город на болоте
сплав бетона и стекла
бомж в подземном переходе
хлещет прану из горла

ната делает карьеру
вера вышла за мента
влад вернулся из танжера
суета-тире-тщета
оля кроликов разводит
никтолай баклуши бьёт
ничего не происходит
да и не произойдет

БАБОЧКА НАБОКОВ

* * *

это ты что ли
в пирогах штолле
куришь парламент
плетёшь орнаменты
виртуозной лжи
потенциальному мужу
чувствуется мужик
конкретно прогружен

я иду мимо
над головой апрель
птахи свистят гимны
весне ибо оттепель
ибо пора брачных
игрищ так не сочти за глум
замужеств тебе удачных
до пенсии минимум

13.06

...вот и черешня пошла.
(ненавижу черешню).
полдень. избыток тепла
проявляется внешне
в мареве над мостовой,
в тополиной позёмке,
в жизни, уже неживой.
по заваленной плёнке
плоский скользит персонаж. —
твой любимый типаж.

в лёгких не воздух, но смог,
перегрета трахея.
город, считай, занемог, —
переулки глухие,
улицы, парки, дома,
едкий дёготь глотая,
медленно сходят с ума,
постепенно впадая
в кататонический ад. —
твой любимый расклад.

ленту на кадры дробя,
аппарат, допотопный,
крутит кино, где тебя
этот город загробный
водит по давним местам —
переулкам и скверам.
где парадигма проста —
ни надежды, ни веры.
тусклый мерцающий свет,
и катарсиса нет.

Бабочка náбоков

1.

порхает náбоков над лугом
хвостом немая рыба бьёт
твоя печальная подруга
случайных песен не поёт

ей больше незачем и не чем
ей тело — мраморный протез
так ждать тебя гораздо легче
без боли в сердце сердца без

ей безупречен изыск линий
ей скорбь навек гляди Улисс
и лучше так — под сенью пиний
чем затхлый «заячий ремиз»

ты никудашным был супругом
но как вдовство тебе к лицу
порхает náбоков над лугом
роняет чахлую пыльцу

2.

náбоков спит и видит как лаоцзы
ловит в верховьях длинной реки янцзы
бабочек обрывает у них крыла
давит изуродованные тела

náбоков огорчается но во сне
не в состоянии повлиять на расклад и не
в состоянии увернуться от ловких рук
тело ломается с хрустом и этот звук

последнее что он чувствует прежде чем
откинуть коньки совсем

* * *

...как будто бы это не мы с тобой —
посторонние, что ли.
словно — это не у меня запой,
это не я без боя
оставляю последние рубежи,
вязну во лжи.

как будто бы это всё как в кино. —
силуэты с экрана.
в зрительном зале темным-темно,
киномеханик, пьяно
кашляя, курит сырой памир,
рушится мир.

а фильм — бездарный, с массой длиннот,
да и снят на свему,
и нет никакого кайфа от
него — всё не в тему.
но я сажу, как дурак, в последнем ряду —
никак не уйду.

* * *

тяжкий жребий проклиная,
знай, — за крайнею чертой
не случится жизнь иная.
только старец с бородой,
что совковая лопата,
в дланях длинное весло,
не за совесть, но за плату,
чёлн, гружёный тяжело,
по протокам ахерона
направляет в царство тьмы.
где, по жанровым законам,
навсегда осядем мы.

где ни звука нет, ни света,
льётся скорбная печаль,
да орфей, и. о. поэта,
клянчит в пропуске печать.
но мандат его просрочен,
раскурочен инструмент,
сам бессвязное бормочет,
словно нюхал клей момент;
но, в краю теней и мрака,
безусловно, решена
участь всякого, и, всяко,
причитаньям грош цена.

это только в дольном мире:
выйдешь к роще у реки,
вдаришь чувственно по лире,
ляпнешь в рифму две строки.
глядь, — несут венок лавровый
и торжественный нектар, —
ювелиру, дескать, слова
за его бесценный дар.
а уж как велись пейзажки —
норовили всё в гарем.
правда, как-то раз по пьянке
упромыслили совсем.

и возврата нет к былому,
как пощады ни канючь, —
скажут: что ещё за клоун,
да запрут на дальний ключ.
полусонной станешь тенью,
молчаливой и пустой,
уподоблен привиденью,
лёгкой дымке над водой,
по которой древний старец
бодро шлёпает веслом.

хрен чего от нас останется,
никому не повезло.

СДЕЛАВШИ ХАРАКИРИ

* * *

у механической машины
ни головы ни сердца нет
всё шестерёнки да пружины
да никель стёршихся монет

да стопка чёрного винила
за тёмной патиной стекла
всё то что память хоронила
она по кругу завела

чу набирает обороты
и так тревожно на душе
как будто вновь решится что-то
вот-вот изменится уже

* * *

В подъезде надписи на стенах:
«Г. О. рулит», «Тату — говно»,
«Мы одиноки во вселенной
Бесповоротно и давно»,

«Люблю тебя, Петра творенье»,
«Здесь были А+Я», «Зенит» —
Опять в пролёте. Настроенье —
Достать и закурить. Звенит

Внизу железная пружина. —
Припёрся, видимо, сосед
По этажу. Он тоже глина
В руках творца. Он 30 лет

Детали точит на заводе
Для стратегической херни.
С ним можно только о погоде
И то недолго, сам он вроде
Судьбой своей — вполне. Огни

Окрестных фонарей снаружи
Мерцают в пыльное окно.
Случайный дождик морщит лужи.
В руке окурочек тлеет вчуже.
Г. О. рулит, Тату — говно.

* * *

крутится прогулочный кораблик
между двух мостов
некто произносит кривле-кривле
опаньки — готов

ты теперь мультяшный и нелепый
персонаж (судьба)
что с того что дождик сыплет с неба
что мундштук к губам

добрый ангел неспеша подносит
медлит смотрит вниз
где опять хозяйничает осень
где (пойди пропись)

я стою среди невы качаясь
пароходу в такт
пропадая (публике на зависть)
не за грош за так

* * *

жили они счастливо но недолго
потому что умерли в один день
ехала по дороге волга
оборотень

радостно клаксонила да урчала
бликовали лаковые бока
ну и напоролась как скалы
на облака

как так получается — жили были
а потом внезапно пиндык и всё?
я лежу в соседней с тобой могиле
наискосок

* * *

осень воняет псиной
бродячим котом
рыбой из магазина
сырым пальто
дрянью заплесневелой
гнилым дождём
боже пошли нам белый
снег
с нетерпением ждём

* * *

Она молчит, как партизан об лёд,
как рыба на допросе.
И время нескончаемо идёт.
И эта осень
ладони зябко прячет в рукава.
Твоё молчанье
затягивает. Кругом голова...

Не отвечай мне.

* * *

Шифроваться от себя самого,
повторяя — ничего-ничего.
Что в стакане? — Остывающий чай.
«Я скучаю». Вот и ты поскучай.

Всё налажено, известен маршрут,
пересадок никаких на пути.
Там и любят, и жалеют, и ждут.
(Может правда взять и всё же сойти?)

И глядишь под перестук за окно,
краем глаза верстовые столбы
отмечая. Сколько их? — Всё равно
сколько их. Но если бы...
Если бы...

* * *

когда аэронавт, взлетая,
пронзить стремится облака, —
меня преследует простая
назойливая мысль: ага!

вот он вцепился в эти крылья,
но, оборви ему полёт, —
он насмерть разобьётся или
всего лишь копчик отобьёт?

* * *

...напиши, что всё будет хорошо ©

напишу тебе стишок
на заказ
типа будет хорошо
всё у нас

нам любой прогноз другой
ни к чему
будет всё у нас с тобой
по уму

вместе будет или врозь —
не грузись
будет всё у нас авось
зашибись

наизусть как мантру пой
мой стишок
будет всё у нас с тобой
хорошо

напишу тебе стишок
на заказ
типа будет хорошо
всё у нас

* * *

незатейливы приметы
беспорядочного быта
одинокого поэта
у разбитого корыта

он по молодости словом
выжигал сердца и души
а теперь он старый клоун
никому совсем не нужен

у него на кухне мыши
под диваном пыль да мусор
навсегда похоже вышла
из его жилища муза

и маршрут ему стандартный
мимо булочной на плаху
ковылять походкой ватной
престарелого казаха

глянь вечернею аллеей
он проходит зыбкой тенью
с каждым шагом всё вернее
погружаясь в мрак забвенья

* * *

это уже не ты,
даже не тень. —
отзвук былой беды,
закрытая тема.

женщина в тридцать пять —
лицо, кожа,
голос — не опознать,
не похожа.

это уже не ты,
слава богу.
круговерть суеты
понемногу

нас превратила в тех,
кем мы стали. —
жесты, походка, смех
и так далее.

каждый идёт своим
(в пропасть, к звёздам).
как это — с яблонь дым,
баба с возу.

* * *

*Я тебя не вспоминаю
Георгий Иванов*

Жизнь привидится иная
На излёте этой, но:

«Я тебя не вспоминаю,
Всё прошло давным-давно»

И казалось бы, откуда
Этот морок, этот бред?

«Умирай уже, покуда
Кроме этой — жизни нет».

* * *

...у неё занавески в разводах
В. В.

ты будешь жить, ты будешь долго жить:
растить детей, варить супы и каши,
стирать платки, трусы, носки, рубашки.
по выходным под пиво грызть фисташки,
уютом и покоем дорожить.

ты будешь жить, ты будешь жить всегда:
дарить подарки близким и знакомым
на праздники; не выходя из комы,
блюсти порядок в анфиладе комнат,
всё время чем-то важным занята.

я тоже буду жить, пока вода
из кухонного вытекает крана,
и зарастает ржавчиною ванна,
и покрывает плесень дно стакана,
и догорает давняя звезда.

* * *

сделавши харакири не плачут по
испорченному костюму кишкам наружу
недочитанному роману эдгара по
(рюноско акутагавы эдогавы рэмпо)
недослушанной композиции в стиле фьюжн

сделавши харакири глядишь вперёд
заново просветлённый как вечный ленин
видишь это вселенная вспорола себе живот
и из этой распахнутой ножевой
ласково приближаются чьи-то тени

МНЕ С ТОБОЙ ХОРОШО

* * *

всё наяву ты тоже наяву
как странно что я всё ещё живу
а значит постепенно умираю
под скрежет ежедневного трамвая
под щебетанье суетное птиц
под шелест недочитанных страниц
под сводки истеричных новостей
под голоса (не вовремя) гостей

всё наяву мы падали в траву
без разницы мгновенья или годы
вся жизнь как продолжение полёта
с высокого моста в глухую воду
в свинцовую осеннюю неву
как странно но я всё ещё живу

* * *

однажды лирика уходит
и остаётся ерунда
поэт пером впустую водит
туда сюда

стучит в открытые ворота
на грани бездны водку пьёт
дрянная в сущности работа
сизифов пот

впадает в неуместный пафос
в бессмысленное шутовство
казалось бы корпел старался
ан — ничего

выходит ночью на дорогу
невыносимо одинок
не нужен ни себе ни богу
ни так ни впрок

без цели тащится устало
в глухую сумрачную хмарь
где ледяная рябь канала
тоска фонарь

* * *

осень с шипением входит в дверь
поезда на Калище.
кому тождественна ты теперь?
какого резона ищешь
на Старо-Калужском своём шоссе
в сером бетонном доме,
чьё отраженье в твоём лице,
что тебе снится, кроме
птицы, что бьётся в твоё окно?
впрочем, мне всё равно.

осень. с шипением двери за-
крылись, сейчас поедem.
скрежет пронзительный, голоса,
волосы ярче меди
у девочки рядом сидящей, но
в жесте, неуловимо, —
ты. впрочем, мне всё равно.
в воздухе горечь дыма.
помнится, астры — твои цветы.
только это не ты.

осень. солнечный день. в окне
мимо — дома, деревья.
с чем мы останемся по весне,
в чём нас рассудит время —
мера и лекарь, палач и... чем
там его называют?
если совсем ничего — вообще,
даже твой облик тает.
если уже навсегда темно.
жаль — тебе всё равно.

* * *

...формально это всё не о тебе,
не про тебя.
про «а» и «б» сидели на трубе,
про тех ребят,

что проходили мимо через сквер
и дальше — прочь,
про солнце, что садится, например,
в глухую ночь.

формально эти строки ни о чём —
слова, слова.
в них неглубокий смысл заключён:
всё — дважды два.

история про белого бычка —
мура, баян
про жизнь, что так глупа и коротка,
как наш роман.

* * *

сначала тебя поднимут потом снесут
откинут заслонку закинут поленом в печь и
чади источая бурый густой мазут
палёной речи

* * *

в мерном рокоте прибоя
нет ни выдры ни бобра
только небо голубое
ровно то же что вчера

да медузы всех расцветок
переливами полны
от рассвета до рассвета
в мерном рокоте волны

я гляжу на море косо
изнываю от жары
задаюсь одним вопросом
где же выдры где бобры

* * *

И счастье счастья не приносит
Борис Рыжий

...там бабушка мучила рыбу
для кошек варила обед
и вонь намекала на гибель
того что прошло чего нет

каникулы дачное лето
пятнадцать минут до реки
четыре часа до обеда
и вечность до школы беги

по небу где мячик футбольный
с востока на запад летит
где если споткнёшься — не больно
где ты — малолетний бандит

для нервных соседей и кошек
где так беззаботно душе
где счастье на счастье похоже
и мне ещё девять уже

* * *

...мне и с другими темно и с тобой —
будто совсем ослеп
не получается хвост трубой
в это тусклое небо

видимо выработан ресурс
аллес — пора на слом
знаешь порой ускользает пульс
и холодеет лоб

что ли не достаёт чего-то
выстужен что ли жар
...давеча видел тут труп у входа
в метро славянский бульвар

* * *

был внутри, теперь снаружи. —
та же самая фигня.
тот же дождик морщит лужи.
так же дела до меня

никому, и в этом мире,
нет, и это хорошо.
дважды два — опять четыре.
опа, кажется, стишок.

или нет. продолжим дальше.
я курил, считал ворон,
вопрошал: а был ли мальчик —
сам себя — что вышел вон,

и уже не возвратится
ни во сне, ни наяву.
жизнь моя мне только снится.
если я вообще живу.

09.05

Начинается салют.
Все восторженно кричат.
Пьяные «ура» орут,
Очень пьяные мычат.

Я гляжу из-под руки
В сумрак неба, за окно.
Пусть я трезв, но я таки
Вместе с ними заодно.

* * *

...тянется низкая нота, словно струна
вибрирует в заунывных руках акына.
это такая местность, ландшафт, страна,
мутная пелена, не погода — климат.

вязкий суглинок, низкое небо, дождь.
с октября по апрель солнца как ни бывало.
как ты там в этой слякоти, брат, живёшь?
что тебя согревает — спирт, одеяло?

женщина с утомлённым за жизнь лицом?
пальцы её холодны, как вода в заливе.
это судьба-злодейка, в конце концов,
сказать по-другому — условия краевые.

отсюда и мутная одурь в глазах, и сны
неотличимы от монотонной яви.
так щуке, к примеру, не отличить от блесны
жертву свою, и это — в перечне правил.

с тем и проходит в сумерках до темна
большая часть будней, как песня, длинных.
тянется низкая нота, звенит струна,
вибрирует в заунывных руках акына.

* * *

мне с тобой хорошо
так, что хочется умереть.
я за тем и пришёл,
и это надо отметить.

ставь алкоголь на стол
и закусь, да поспеши.
давай дерябнем по сто
за помин души.

давай вздрогнем за нас,
за твою печаль.
я скоро, уже сейчас,
отчалю.

НОЧНОЙ ПОЛЁТ

* * *

никто не нужен больше, даже ты.
с такой необоримой высоты

бессмысленно, ничтожно, бесполезно
буквально всё, когда летишь над бездной

в объятья немоты и пустоты. —
никто не нужен больше, даже ты.

* * *

гляди насупив бигуди
кивай в прихожей отраженью
тебе осталось впереди
пожизненное поражение

лежать ночами в темноте
стараясь ни о чём не думать
в тоске перебирая тех
кто мог бы быть с тобою юной

была и ты но никогда
разумной не была однако
чадит полночная звезда
спит утомлённая Итака

* * *

пятые сутки идёт дождь
третьи сутки озноб
ты мне любимая врешь врешь
вгоняешь меня в гроб

смотришь искоса наклоня
голову говоришь
что давно не любишь меня
я тебе не верю малыш

что же теперь столько лет коту
разом вот так под хвост
хочешь в ноги тебе упаду
хочешь умру всерьёз

будешь потом каждый день жалеть
что так обошлась со мной
будешь безудержно слёзы лить
в кладбищенский перегонной

синий платочек в руках теребя
(всхлипы икота рёв)
кто тогда утешит тебя
некому — я же мёртв

* * *

а ты прекрасна без извилин ©

«бесплатная доставка пиццы
три-дабл-ю-домпицца-ру»
подруга хочет за границу
и выдающуюся грудь
а мне мерещится и мнится
что я вот-вот отправлюсь в путь

снимусь с обжитых мест однажды
соорудив известный жест
томимый не духовной жаждой
а тем что ерунда окрест
не ерунда пускай но лажа
чем и оправдан мой отъезд

в места пустынные глухие
руси посконной ипостась
где до сих пор года лихие
где кис гламурных отродясь
не видывали там такие
не приживаются сдалась

ей эта грудь а мне томление
в душе и нездоровый зуд
в ногах а завтра воскресенье
и пиццу долго не везут
и нет от щебета спасенья
любить иных не крест но труд

* * *

пьяная оля в юбчонке
своё нараспашку
сделай девчонке
но чтобы не больно не страшно

чтобы не тошно
покуда пары алкоголя
клумба цветочная
лыбится глупая оля

сидя под тонкою липой
потом смеётся
солнце садится
ласточка в небе вьётся

ночной полёт

здравствуй небо и ты с пропеллером на спине
тоже здравствуй взгляни на город он весь в огне
особенно в этом ракурсе с этих высот
глянь как медленно электричка к нему ползёт

здравствуй небо здравствуй воля прощай дедал
я уже отучился в школе долги раздал
наркодилерам крити миносу и семье
оставляю тебя внизу на чумной земле

оставляю тебя прозябанию всем вещам
что ты так ценил по жизни и мне завещал
эта тяга твоя к горилке свиным хрящам
к потным бабам интригам кинжалам-дефис-плащам

не желаю жить в этом аду в этой стране
лучше замертво упаду пропаду в волне
так прощай мой кошмарный сон прошлогодний снег

прощай и ты толстый смешной человек
с нелепым своим пропеллером на спине
что-то (прости не слышу) кричащий мне

НЕБО СО ЛЬДОМ

* * *

*«любовные сети обмана»
заголовок в бульварной прессе*

любовные сети обмана
обманные сети любви
чернеет ли в поле обама
штаны и рубаха в крови

выходишь ли ты на дорогу
на трассу усолье-кыштым
всё ложь и обман недотрога
отечества горестный дым

всё — тяжкие думы о главном
голимом гонимом родном
леса перелески поляны
холодное небо со льдом

глотай эту радость пока не
заплещется в лёгких вода
пока ещё камень на камне
пока ещё ты — навсегда

* * *

поезд въезжает в дождь,
в стену дождя.
по вагонам проходит дрожь,
брызги летят,

словно в пространстве — рябь,
раз — переход
из июня в сентябрь,
в промозглый холод.

поезд въезжает в сон,
но — наяву.
скрежет, встаёт вагон,
сойди в траву.

пройди по руинам — там,
где ты жил,
где неуют, нищета,
ветрено (не дрожи).

вернись в эту реку вновь,
в прошлое. повтори:
«миром правит любовь».
сплюнь, разотри.

* * *

в час ночи лёг и умер до семи
потом опять как хочешь но воскресни
на бреющем тяни до осени
вперёд и с песней

до отпуска в начале сентября
когда сезон в крыму и в коктебеле
случится рай короче говоря
на две недели

сейчас и здесь над городом жара
спасенья нет от кондиционера
в конторе и подземка по утрам
мотает нервы

сейчас и здесь идёшь сквозь эту взвесь
сквозь эту муть дрейфуешь снулой рыбой
не думай для чего зачем ты здесь
себе на гибель

зачем тебе вся эта кутерьма
чем дальше тем глупей и бесполезней
все эти флуктуации ума
вперёд и с песней

бесцельно каждой ночью умирай
бессмысленно плетись подобно кляче
с утра но помни есть волшебный край
где всё иначе

* * *

хватишься но будет как всегда
злое небо тёмная вода
перепады хриплые свирели
слушай астматические трели
в колком хрусте утреннего льда

хватишься а поздно — пустота
морок наваждение и только
воздух непрозрачен что слюда
солнце — равнодушная звезда
не зовёт как видишь никуда
всё без толку

* * *

я не помню, кто из вас мне это сказал.
да и не важно, собственно, кто из вас.
дорога всегда ведёт на курский вокзал,
танцует похмельный вальс.

я туда не еду, туда, где живёт она.
где цветёт жасмин, безумствуют соловьи.
выпей, Венечка, выпей его до дна —
все свои.

что с того, что небо — осколок льда.
не стяжать тебе ни почестей, ни наград.
тяжела вода. и ангелы навсегда
вот-вот отлетят.

* * *

хочешь идти налево — иди налево.
что тебя держит? снежная королева? —
девочка кайя, что пришла так некстати
в белом халате.

хочешь идти направо — иди направо.
что тебе в смерти эти барьеры, право?
в сердце застрянет неба тугой осколок,
путь будет долог.

хочешь идти к вокзалу — иди к вокзалу.
как там у классика? — «музыка нас связала».
как повязала, так и развяжет, хули. —
вернее пули.

* * *

вчера хотелось убить, сегодня — обнять и плакать.
бедная, бедная, бедная, бедная ты.
как такое любить, когда тотальная слякоть —
никакой красоты.

как такое держать в опустевших ладонях.
как такое прижать к остывшей груди.
влажный кленовый лист ложится на подоконник
и дальше летит.

вот и лети. небо твоё бездонно
и беспросветно — нет ни планет, ни звёзд.
я остаюсь. видишь — машу с балкона.
холоден и тверёз.

* * *

это не моё дело не твоё дело
птичка вылетела (этого ты хотела?)
как удержать пичугу в своих ладонях
если всё тонет

как рассказать тебе если в гортани рыбы
в лёгких вода в небе огонь и гибель
сколько ты значишь особенно в те минуты
когда не достать до грунта

когда наступает время в котором после
в котором из признаков жизни работа мозга
пульсация мысли в анаэробном теле —
всё в самом деле

не на экране не в детективной книжке
с нами всплесни руками скажи так вышло
выпорхни вольной птицей лети покуда
нет больше чуда

* * *

он обернётся, она растает,
вернётся обратно в ад.
от дуновения ветра ставни,
вкрадчивые, скрипят

в такт половицам. лицо в оконной
раме — почти портрет.
что тебе снится, когда с балкона
льётся нездешний свет.

что тебе мнится, когда ты видишь
тень её на стене.
скоро уже в этот сумрак выйдешь,
свидишься скоро с ней.

* * *

...мимо лето идёт, мимо осень идёт, потом
будет суп с котом, зима упадёт пластом,
на поля упадёт, на дома упадёт, на всё,
что любил Басё.

что любил Бусон, воспевал Сайгё, обонял Инин.
будет белый холст — никаких высот, никаких низин.
всё исчезнет — небо, воздух, вода, земля.
вот тогда бери и придумывай мир с нуля.

* * *

пространство вскрыто лезвием ножа
ты так была при жизни хороша
и потому судьба твоя понятна
хотя — досадно

навряд ли я приду к тебе потом
покойся с миром под своим крестом
дискретный дождь сопревшая листва
венки трава

гранитный ангел плачет на ветру
ограда покосилась (не к добру)
дала усадку свежая могила
вот — всё что было

навряд ли ты останешься со мной
когда я повернусь к тебе спиной
и прочь уйду — не жди меня обратно
была и ладно

пространство вскрыто лезвием ножа
точнее луч бежит листвой шурша
сомкнутся тучи — снова станет хмуро
прощай скульптура

* * *

иногда мне кажется это ты
меня окликаешь из пустоты
зовёшь меня будто издалека
из лёгкого облака

говоришь мне что-то — не разберу
обернёшься — вроде бы никого
только солнце щурится только вдруг
шелест над головой

и тогда я думаю — это бред
померещилось думаю ерунда
я же помню тебя в этой жизни нет
не было никогда

я же знаю блазнится вот и всё
фокусы акустики в тишине
ветер вдоль аллеи листву несёт
облако бликует в окне

* * *

...ну и перестанет биться
ну и хорошо
пусть ей что-нибудь приснится
например мешок

чёрный пластиковый плотный
хладный труп внутри
рядом с йолкой новогодней
ну-ка посмотри

принимай дары зазноба
всё теперь твоё
вот она любовь до гроба
на! бери её

* * *

Стой у Петровско-Разумовской
Разглядывай бегущих мимо
Стань еле различимой плоской
Полоской дыма

Гляди на меркнущие краски
На сумерки в глазах прохожих
Стань собственной посмертной маской
Фантом не больше

Докуришь спустишься под землю
Бог даст вернёшься невредимым
Пока стоглавый цербер дремлет
Проскочишь мимо

Вдали останкинское жало
Часы показывают девять
Всё — ты уже готов пожалуй
Довольно медлить

* * *

эвридике с любовью, с печалью, с чем там ещё.
хроническое отчаяние — не в счёт.
хтонический недосып, сиречь недоёб
(по внешнему виду впору ложиться в гроб),

тоже не в счёт. ей, что ушла без меня
на другую сторону ночи, сторону дня,
пишу эти строки, зная, что не прочтёт,
поскольку читать не умеет; поскольку стёрт

грифель карандаша, и бумаги нет.
и на этих скрижалях пальцем оставить след,
так же проблематично, как, сойдя в Аид,
вернуться назад вместе (что предстоит

сделать, чтобы опять соблюсти канон,
чтобы опять, оглянувшись, исторгнуть стон,
в который раз потерять тебя навсегда).

«ниоткуда с любовью»... и прочая ерунда.

* * *

ветер воет ветер дует
гонит жолтые листы
я найду себе другую
ебанутее чем ты

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ

* * *

*и на пустое место ставит слово
И. Б.*

Допустим, умер Бог, а мы — за ним.
И всё, что есть, давным-давно истлело.
Впустую носим призрачное тело
И в пустоте пустое говорим.

Допустим, мы — индукционный ток,
Вибрация бессмыслицы в эфире,
Фантомный разум в иллюзорном мире,
Сон мотылька, в котором умер Бог.

Тогда к чему вся эта суета?
Бесплотные порхания над бездной?
Мой бедный Дант, сотри своё с листа.

Всё ерунда. Ты тоже ерунда.
Ты изначально не был никогда.
И все слова пусты и бесполезны.

Ещё про Эвридику

тупая пизда эвридика
в глухой мухосрани живёт
пускай прозвучит это дико
никто эту шмазь не ебёт
поскольку уродлива сука
и мнит о себе дохуя
в мозгу её мрак и разруха
меж бёдер скукоженных сухо
в утробе свернулась змея

тупая пизда эвридика
тупая тупая пизда
в глазах её цвета индиго
не вспыхнет огонь никогда
никто не согреет запястий
её не ухватит за грудь
её задыхаясь от страсти
никто не рискнёт в её пасти
клыкастой свой болт сполоснуть

о эта пизда эвридика
такая тупая пизда
что боги друг другу смотри-ка
сказали однажды беда
такая отвратная бикса
давайте шутить господу
пусть воды угрюмого стикса
не примут её никогда

тупая пизда эвридика
с обидою смотрит на мир
а время всё тикает тика-
ет время всё тикает тика-
ет сонное время вей-з-мир
протикает всё без остатка
истает что твой леденец
пиздец эвридике несладко
пиздец эвридике пиздец

* * *

вот ты идёшь куда-то
где станет хорошо
а мне уже пиздато
я навсегда пришёл

ногами напряжённо
густую месишь грязь
а я на небосклоне
лежу не торопясь

ни в счетную палату
ни в магазин ни в суд
мне никуда не надо
мне не мешает зуд

мой гондурас обмерян
расчислен занесён
в реестры в вашей сфере
меня забыли всё

я больше не потею
поскольку не спешу
не гроблюсь за идею
за бабки не пашу

меня не беспокоит
ни биржа ни тайфун
всё для меня пустое
тайбо чучхе цигун

мне похуй на затмения
на срач в твоей душе
я тормознул мгновенье
мне заебись уже

* * *

«Обувь женская, мужская»,
«Шаурма», ларёк, «продмаг»,
«Что ты, блядь, за блядь такая!»,
«Опоздаем, шире шаг!».

Улица, фонарь, аптека.
Справа — сонные дома.
Хоронили человека,
Выжившего из ума.

Вынимали из машины,
В топку жадную несли
Ящик полный мертвечины.
Заряжай, готовься, пли.

Постояли, поглядели,
Равнодушно, в небеса.
Всё забудут за неделю,
Через год не вспомню сам,

Чью спалили оболочку,
Кто ушёл в небытиё.
Мельтешение и прочая
Суета, хуё-моё.

* * *

человек человеку узбек
реже таджик
ночь 21-й век
гаражи

злая стая волчат
рвёт на куски
то что станет сейчас
другим

мёртвым как сквер и площадь
город страна
ветер листву полощет
ночь холодна

* * *

ночь улица фонарь аптека
зачем ты ищешь человека
в краю бетона и металла
его не стало

закончен путь его в подлунном
в наждак асфальта втопан гунном
их давеча сплошным потоком
несло с востока

с вокзала прямым на запад
сквозь эту гарь и этот запах
всё на своём пути считая
прощай святая

смердят имперские руины
дома из обожжённой глины
набиты мёртвыми телами
вернее нами

и никого в округе кроме
тебя и фонаря над кровлей
дежурной некогда аптеки
прощай навеки

* * *

Над дорогой Смоленскою, как твои глаза...
Б. Окуджава

пойдём-ка пойдём-ка пойдём-ка
пойдём-пойдём
пока эта жизнь потёмки
пока не в лом

двигаться вдоль дороги (леса леса)
переставляя ноги (столбы столбы)
что там мерцает (словно твои глаза)
сквозь пыль

словно глядит устало (звезда звезда)
словно тебя не стало ни там ни здесь
мутная взвесь грядущие холода
дурная весть

пойдём-ка пойдём-кё пойдём-ка ещё чутка
это всего лишь ломка сейчас пройдёт
хрупкая кромка утреннего ледка
ущербный год

всё перемелется станет простой строкой
лёгкой безделицей миг и растает мгла
шаг и не верится что ты была такой
что была

* * *

Кого она возьмёт в свой оборот,
тому не совладать с пространством. Вот он
последний направляет свой полёт
к студёным звёздам.

Что от него осталось на земле?
Жена и сын? На чёрный день заправка?
Кто горевал о нём, его жалел?
Собака? Дом, пустой, как эта пачка

от «Космоса»? Не горечь, так печаль
в пространстве тлеет, словно сигарета.
Ты там, приятель, сильно не скучай.
Увидимся. В Валгалле или где там.

СОДЕРЖАНИЕ:

СТИШКИ В АЛЬБОМ

«Двадцать какое-то, чёрт его знает, число...»	5
«мало мама мыла раму...»	6
«Всё будет хорошо. Как заклинание...»	7
«не стерпится. не слюбится. не сбудется...»	8
«Пиши, моя красавица, пиши...»	9
«по гляncy ломкого листа...»	10
Стишки в альбом	11
«не вписался в систему, в линию, в интерьер...»	12
«...из огня — в полымя, из мрака — в терновый куст...»	13
Цейтнот	14

В ОЖИДАНИИ НОВОСТЕЙ

«если бы ты была мотыльком...»	17
Под знаком Девы (себе и тебе)	18
Некросонет	19
«А в Вашем доме пахнет смертью...»	20
дорожно-медитативный сонет	21
Разбиться стеклянным гоблином ©	22
мы на горе всем	23
«тони, тони, пакетик с чёрным чаем...»	24
«Я твой нарисовал портрет...»	25
«...но розенкранц и гильденстерн мертвы...»	26
«пути перроны перегоны...»	27
Сонет пейзажный	28
«догорай моя лучина, облезай моя личина...»	29
в ожидании новостей	30

ВДОХНОВЕНИЯ НЕ БЫВАЕТ

последний вирш для NN	33
«девочка неженка лакомка лёгкая грусть...»	34
увещательное	35
Напутственный сонет	36
«...упала ребром монета...»	37
«веди рукой вдоль линии бедра...»	38
«ангел нежный и безумный...»	39
Жувлибры	40
...а люди в нём актёры ©	42

«на самом-то деле...»	84
«в жёлтом парке — бабье лето...»	85
«узорчатая ограда...»	86
«я знаю, где ты сидишь...»	87
«понеслось дерьмо по трубам, дрянь по венам...»	88
«варварский век...»	89
«алкаш, трепач...»	90
«а не было ни горя, ни печали...»	91
«впору лечь и замереть, — не вставать...»	92
«сейчас заболит голова...»	93
«рифмуешь ли кровь с любовью...»	94

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

«оставь ему господь...»	97
«кровь не бурлит по венам...»	98
«И, встречая ночную прелестницу...»	99
«мёртвые хоронят мертвецов...»	100
«Как будто тебя и нет...»	101
Троицк - Москва 2	102
«последнее ерунда...»	103
«не обращай к богу...»	104
Москва - Троицк	105
«какой-никакой роман...»	106
«по образу и подобию своему...»	107
«это как наполнить пустоту...»	108

#404

#404	111
«свет в окошке понарошку...»	113
«всё так трагично и печально...»	114
«в своей печали пребывая...»	115
«в гулких ладонях ладожского вокзала...»	116
«Бредущий краем жизни пилигрим...»	117
«отходит вагон от перрона...»	118
«теперь я знаю где тебя искать...»	119
«сугробы оседают ощутимо...»	120
По чёрной ветке	121
«уже и не вспомнить, когда это было...»	122
«а это лекарство от нашей с тобой тоски...»	123
«в прожорливом чреве вагона...»	124

РЕЧЁВКА

Новый Раскольников	127
пруды и парки петергофа	128
«В твоих садах ночует осень...»	129
«Сладко пахнет пролитым бензином...»	130
«осторожно двери закрывали...»	131
«уехать прочь на две недели...»	132
в метро	133
«после соития всякая тварь печальна...»	134
«в итоге станет всё как прежде...»	135
«загремела в дурку тая...»	136
«чулочки в сеточку...»	137
«...а это, братец, полная луна...»	138
«и жизнь твоя не настоящая...»	139
«вот и всё любимая вот и всё...»	140
«четыре-дэ литература...»	141
речёвка	142

БАБОЧКА НАБОКОВ

«это ты что ли...»	145
13.06	146
Бабочка набокос	147
«...как будто бы это не мы с тобой...»	148
«тяжкий жребий проклиная...»	149

СДЕЛАВШИ ХАРАКИРИ

«у механической машины...»	153
«В подъезде надписи на стенах...»	154
«крутится прогулочный кораблик...»	155
«жили они счастливо но недолго...»	156
«осень воняет псиной...»	157
«Она молчит, как партизан об лёд...»	158
«Шифроваться от себя самого...»	159
«когда аэронавт, взлетая...»	160
«напишу тебе стишок...»	161
«незатейливы приметы...»	162
«это уже не ты...»	163
«Жизнь привидится иная...»	164
«ты будешь жить, ты будешь долго жить...»	165
«сделавши харакири не плачут по...»	166

МНЕ С ТОБОЙ ХОРОШО

«всё наяву ты тоже наяву...»	169
«однажды лирика уходит...»	170
«осень с шипением входит в дверь...»	171
«...формально это всё не о тебе...»	172
«сначала тебя поднимут потом снесут...»	173
«в мерном рокоте прибоя...»	174
«...там бабушка мучила рыбу...»	175
«...мне и с другими темно и с тобой...»	176
«был внутри, теперь снаружи...»	177
09.05	178
«...тянется низкая нота, словно струна...»	179
мне с тобой хорошо	180

НОЧНОЙ ПОЛЁТ

«никто не нужен больше, даже ты...»	183
«гляди насупив бигуди...»	184
«пятые сутки идёт дождь...»	185
«бесплатная доставка пиццы...»	186
«пьяная оля в юбочке...»	187
ночной полёт	188

НЕБО СО ЛЬДОМ

«любовные сети обмана...»	191
«поезд въезжает в дождь...»	192
«в час ночи лёг и умер до семи...»	193
«хватишься но будет как всегда...»	194
«я не помню, кто из вас мне это сказал...»	195
«хочешь идти налево — иди налево...»	196
«вчера хотелось убить, сегодня — обнять и плакать...»	197
«это не моё дело не твоё дело...»	198
«он обернётся, она растает...»	199
«...мимо лето идёт, мимо осень идёт, потом...»	200
«пространство вскрыто лезвием ножа...»	201
«иногда мне кажется это ты...»	202
«...ну и перестанет биться...»	203
«Стой у Петровско-Разумовской...»	204
«эвридике с любовью, с печалью, с чем там ещё...»	205
«ветер воет ветер дует...»	206

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ

«Допустим, умер Бог, а мы — за ним...»	209
Ещё про Эвридику	210
«вот ты идёшь куда-то...»	211
«Обувь женская, мужская...»	212
«человек человеку узбек...»	213
«ночь улица фонарь аптека...»	214
«пойдём-ка пойдём-ка пойдём-ка...»	215
«Кого она возьмёт в свой оборот...»	216

Литературно-художественное издание

Борис Панкин

НОВЫЙ РАСКОЛЬНИКОВ

Подписано в печать 22.07.2011

Формат 60х84/16 Усл. печ. л. 13.02

Тираж 1 экземпляр, изготовлено по требованию

Заказ № 11-922964

ООО «Издательство «Простобук»

ул. Давыдова 20, 67, г. Киев, 02147

Свидетельство субъекта издательской деятельности ДК №4092

www.prostobook.com

info@prostobook.com

Борис Панкин. Родился в 1966-м году в Карелии. Учился в СПбГУ, факультет прикладной математики - процессов управления. Работал слесарем на радиозаводе, кочегаром, сменным

мастером на аварийном участке. Основная профессия: системный администратор. Долгое время жил в Санкт-Петербурге, в настоящее время проживает в Москве. Публиковался в журналах «Звезда», «Нева», «Дружба народов», «День и ночь», «Зинзивер», в «Литературной газете» и в газете «День литературы», а так же в различных альманахах и сборниках.

Автор в сети

Сетевая словесность: <http://www.netslova.ru/pankin/>

Живой журнал: <http://aabp.livejournal.com/>

Авторский сайт: <http://www.pankin.ru/>

E-mail: bpankin@gmail.com